

Republica Moldova

CURTEA CONSTITUȚIONALĂ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

**об утверждении Доклада об осуществлении
конституционной юрисдикции в 2019 году**

КИШИНЭУ

13 января 2020 года

Именем Республики Молдова,
Конституционный суд в составе:

Владимир ЦУРКАН, *председатель*,
Эдуард АБАБЕЙ,
Домника МАНОЛЕ,
Николае РОШКА,
Люба ШОВА,
Сергей ЦУРКАН, *судьи*,

при участии начальника Секретариата Конституционного суда, Елены Тентюк,
рассмотрев в пленарном заседании Доклад об осуществлении конституционной юрисдикции в 2019 году,

руководствуясь положениями ст.26 Закона о Конституционном суде № 317 от 13 декабря 1994 года, ст. 61 ч. (1) и ст. 62 п. f) Кодекса конституционной юрисдикции № 502 от 16 июня 1995 г.,

на основании ст.10 Закона о Конституционном суде, ст. 5 п. i) и ст. 80 Кодекса конституционной юрисдикции,

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить Доклад об осуществлении конституционной юрисдикции в 2019 году, согласно приложению.
2. Настоящее постановление публикуется в «*Monitorul Oficial al Republicii Moldova*».

Председатель

Владимир ЦУРКАН

Кишинэу, 13 января 2020г.,
ПКС № 1

ДОКЛАД
об осуществлении конституционной юрисдикции в 2019 году

РАЗДЕЛ I
КОНСТИТУЦИОННАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

А. Статус и полномочия Конституционного суда

Статус Конституционного суда, единственного органа конституционной юрисдикции в Республике Молдова, автономного, независимого от законодательной, исполнительной и судебной властей органа, закреплён в Конституции, которая устанавливает также принципы и основные полномочия Суда. Статус Конституционного суда определяется его первостепенной задачей в обеспечении уважения ценностей правового государства: главенства права, верховенства Конституции, демократии, разделения государственной власти, прав человека. Эти наиважнейшие функции осуществляются при помощи средств, гарантированных Конституцией.

При должной организации государственной власти роль Конституционного суда является существенной и определяющей, представляя собой подлинную опору для обеспечения демократии и гарантирования равенства всех перед законом. Вместе с тем, Конституционный суд способствует эффективной деятельности органов публичной власти в реализации конституционных отношений, основанных на разделении, равновесии, сотрудничестве и взаимном контроле властей в государстве.

Полномочия Конституционного суда, установленные в ст.135 Конституции, развиваются Законом о Конституционном суде №317 от 13 декабря 1994 года и Кодексом конституционной юрисдикции, утвержденным Законом №502 от 16 июня 1995 года, которые предусматривают, *inter alia*, процедуру разрешения обращений, порядок избрания судей и Председателя Конституционного суда, их полномочия, права и обязанности. Так, в соответствии с конституционными положениями, Конституционный суд:

a) осуществляет по запросу контроль конституционности законов и постановлений Парламента, указов Президента Республики Молдова, постановлений и ордеров Правительства, а также международных договоров, одной из сторон которых является Республика Молдова;

b) дает толкование Конституции;

c) высказывается по предложениям о пересмотре Конституции;

d) подтверждает результаты республиканских референдумов;

e) подтверждает результаты выборов Парламента и Президента Республики Молдова, признает мандаты депутатов и Президента Республики Молдова;

f) констатирует обстоятельства, оправдывающие роспуск Парламента, отстранение от должности Президента Республики Молдова или временное исполнение его обязанностей, а также невозможность исполнения Президентом Республики Молдова своих обязанностей в течение более чем 60 дней;

g) разрешает исключительные случаи неконституционности правовых актов;

h) принимает решения по вопросам, предметом которых является конституционность партии.

В. Судьи Конституционного суда

Согласно ст.136 Конституции, Конституционный суд состоит из шести судей, назначаемых на шестилетний срок.

5 апреля 2019 года истек срок полномочий судьи Конституционного суда Аурела Бэешу. Согласно Определению Конституционного суда № Ag-2 от того же числа, Аурел Бэешу принял предложение об исполнении обязанностей судьи Конституционного суда до принесения присяги преемником.

В связи с отставкой Михая Поалелунж с должности судьи и председателя Конституционного суда 20 июня 2019 года, пленум Конституционного суда Определением №Ag-4 от 24 июня 2019 года назначил Вячеслава Запорожан на место замещающего Председателя Конституционного суда в его отсутствие.

Отозвав 26 июня 2019 года свое заявление от 5 апреля 2019 года, Аурел Бэешу объявил о прекращении своих полномочий с 27 июня 2019 года. Судьи Конституционного суда Вячеслав Запорожан, Раиса Апольский, Корнелиу Гурин и Артур Решетников 26 июня 2019 года подали заявления об отставке. Отставка судьи Вячеслава Запорожан была отсрочена до избрания Председателя Конституционного суда.

Постановлением Парламента № 121 от 16 августа 2019 года Владимир Цуркан был назначен на должность судьи Конституционного суда, а 19 августа 2019 года Постановлением Конституционного суда № AG-6 он был избран на должность Председателя Конституционного суда.

Постановлением Высшего совета магистратуры № 302/18 от 30 июля 2019 года на должность судьи Конституционного суда был назначен Эдуард Абабей.

Постановлением Парламента № 121 от 16 августа 2019 года на должность судьи Конституционного суда была назначена Домника Маноле.

Постановлением Правительства Республики Молдова № 404 от 15 августа 2019 года на должность судьи Конституционного суда был назначен Николае Рошка.

Постановлением Правительства Республики Молдова № 404 от 15 августа 2019 года на должность судьи Конституционного суда была назначена Люба Шова.

Постановлением Высшего совета магистратуры № 302/18 от 30 июля 2019 на должность судьи Конституционного суда был назначен Сергей Цуркан.

Судьи Конституционного суда 16 августа 2019 года принесли присягу перед Парламентом, Президентом Республики Молдова и Высшим советом магистратуры.

Начиная с 16 августа 2019 года, Пленум Конституционного суда имеет следующий состав:

Владимир ЦУРКАН, председатель,
Эдуард АБАБЕЙ,
Домника МАНОЛЕ,
Николае РОШКА,
Люба ШОВА,
Сергей ЦУРКАН, судьи.

С. Организационная структура Конституционного суда

В 2019 г. Конституционный суд осуществил свою деятельность согласно организационной структуре, утвержденной Определением № 9 от 23 марта 2018 года.

D. Обращение в Конституционный суд

Конституционное судопроизводство осуществляется по обращению субъектов, обладающих данным правом. Законодательство Республики Молдова не наделяет Конституционный суд правом осуществлять судопроизводство по собственной инициативе. Так, согласно ст.25 Закона о Конституционном суде и ст. 38 ч. (1) Кодекса конституционной юрисдикции, правом обращения в Конституционный суд обладают:

- a) Президент Республики Молдова;
- b) Правительство;
- c) министр юстиции;
- d) Высшая судебная палата;
- f) Генеральный прокурор;
- g) депутаты Парламента;
- h) парламентская фракция;
- i) народный адвокат;
- i¹) народный адвокат по защите прав ребенка;

j) советы административно-территориальных единиц первого или второго уровня, Народное Собрание Гагаузии (Гагауз Ери) – в случаях проверки конституционности законов, регламентов и постановлений Парламента, указов Президента Республики Молдова, постановлений, ордонансов и распоряжений Правительства, а также международных договоров, стороной которых является Республика Молдова, не отвечающих статье 109 и соответственно статье 111 Конституции Республики Молдова.

Обращения, представленные вышеуказанными субъектами, должны быть обоснованными и отвечать по форме и содержанию требованиям ст.39 Кодекса конституционной юрисдикции.

E. Элементы новизны в деятельности Конституционного суда в 2019 году

Определением № Ag-12 от 14.11.2019 года Конституционный суд утвердил регламент Научно-консультативного совета при Конституционном суде Республики Молдова. Численность Научно-консультативного совета может составлять не более 21 человека. Поименный список членов Совета был утвержден Приложением № 2 к Определению № Ag-12 от 2019 года. Совет был создан при Конституционном суде в соответствии со ст. 36 Закона о

Конституционном суде № 317 от 13 декабря 1994 года. В состав Совета входят ученые и высококвалифицированные специалисты в различных областях.

Деятельность Научно-консультативного совета была возобновлена после десятилетнего перерыва. Первое его заседание состоялось 19 ноября 2019 года, на котором к обсуждению было предложено обращение № 104g/2019 о контроле конституционности ст. 8 ч. (1) п. d) Закона № 294 от 21 декабря 2007 года о политических партиях.

РАЗДЕЛ II

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В ЦИФРАХ

В 2019 году в Конституционный суд было представлено 235 обращений, 19 обращений остались нерассмотренными с 2018 года, таким образом, в судопроизводстве Конституционного суда в 2019 году всего находилось 254 обращения, из которых 46 обращений перешли на 2020 год (см. диаграмму № 1 в Приложении № 1).

По предмету оспоренные нормативные положения касались вопросов уголовного права (43%), гражданского права (27%), социальных, экономических и культурных прав (11%), административного права (9%), политических прав (8%) и социально-политических прав (2%) (см. диаграмму № 16 в Приложении № 1).

Обращения, поступившие в Конституционный суд в 2019 году (см. диаграмму № 3), были представлены следующими субъектами:

- Президент Республики Молдова – 4 обращения;
- депутаты и парламентские фракции – 20 обращений;
- Правительство – 0 обращений;
- Судебные инстанции – 194 обращения;
- Народный адвокат – 3 обращения;
- Центральная избирательная комиссия – 10 обращений;
- Генеральная прокуратура – 4 обращения;
- Органы местного публичного управления – 0 обращений.

В 2019 году Конституционный суд вынес 31 постановление, а именно:

- 3 постановления о толковании некоторых положений Конституции;
- 10 постановлений о контроле конституционности нормативных актов;
- 7 постановлений о разрешении исключительных случаев неконституционности;
- 8 постановлений о признании депутатских мандатов;
- 1 постановление об утверждении Доклада на 2018 г. (см. диаграмму № 4 в Приложении № 1).

Также, в 2019 году Конституционный суд вынес 2 заключения, 152 определения о неприемлемости, 4 определения об отклонении обращений, одно определение о прекращении производства по делу (см. диаграмму № 2 в Приложении № 1).

В 2019 году Конституционный суд высказался в отношении конституционности или неконституционности некоторых законодательных норм:

- в 6 постановлениях как минимум одно из оспариваемых положений признано конституционным;
- в 11 постановлениях как минимум одно из оспариваемых положений признано неконституционным (см. диаграмму № 5 в Приложении № 1).

С процессуальной точки зрения обращения об исключительном случае неконституционности представляются в Конституционный суд судебными инстанциями, тем не менее, в течение 2019 года в качестве авторов таких обращений выступали (в убывающем порядке): адвокаты (124 обращения), стороны процесса (55 обращений), суды (11 обращений) и апелляционные палаты (2 обращения) (см. диаграмму № 11 в Приложении № 1).

В результате сравнительного анализа было установлено, что:

- в 2019 году количество представленных обращений увеличилось, составляя 235 обращений, по сравнению с 2018 годом, когда было представлено 212 обращений;
- в 2019 году было принято 31 постановление, по сравнению с 2018 годом, когда было вынесено 33 постановления;
- в 2019 году было принято 152 определения о неприемлемости обращений, в 2018 году их количество составило 162;
- в 2019 году количество обращений об исключительном случае неконституционности выросло, составляя 82% из общего числа обращений, представленных в 2019 году.

РАЗДЕЛ III СУДОПРОИЗВОДСТВО

А. Оценка Конституционного суда

1. Общие принципы

1.1. Разделение и взаимодействие властей

1.1.1. Финансовая автономия независимых органов

Конституционный суд указал, что конституционная прерогатива каждого органа публичной власти, указанной в Конституции, состоит в осуществлении своих полномочий таким образом, чтобы обеспечить эффективную и непрерывную функциональность всего государственного механизма. Для достижения этой цели должны существовать необходимые инструменты и условия, исключая любые попытки ограничения или блокирования деятельности этих органов. Поэтому Конституционный суд, Высшая судебная палата, другие судебные инстанции, в качестве публичных органов власти, которые в силу своих конституционных обязанностей осуществляют контроль конституционности и законности над деятельностью исполнительной и законодательной властей, должны иметь в своем распоряжении необходимые финансовые средства для осуществления этих полномочий. В противном случае нарушается функциональность государственного механизма (ПКС №27/2019¹, §54).

Закон о публичных финансах и бюджетно-налоговой ответственности и Закон о единой системе оплаты труда в бюджетной сфере содержат строгие положения о бюджетном финансировании. В связи с этим, Конституционный суд отметил, что процедура разработки и принятия годового бюджета навязывает независимым публичным органам «переговоры» с исполнительной властью в целях получения необходимого для их деятельности финансирования. Конституционный суд и судебные инстанции являются органами, уполномоченными осуществлять контроль конституционности и законности деятельности исполнительной и законодательной властей, что может вызвать «беспокойство» у контролируемых органов, поэтому они, наделенные полномочиями по разработке проекта государственного годового бюджета (Правительство) или принятию государственного бюджета (Парламент), могут необоснованно ограничить финансирование соответствующих органов (ПКС № 27/2019, §57).

Независимость органов, предусмотренных Конституцией, не предполагает абсолютный запрет на вмешательство исполнительной и законодательной властей в вопросы по обеспечению финансирования этих органов. **Правительство вправе сократить финансовые средства, предназначенные для указанных органов, однако такая мера должна быть соразмерной и иметь объективное обоснование.** Правительство не вправе вмешиваться и вносить в бюджеты

¹ Постановление № 27 от 31.10.2019 г. о контроле конституционности статьи 37 Закона о Конституционном суде, статьи 27 Закона о Высшей судебной палате и статьи 4 Закона об организации и функционировании Счетной палаты (финансовая автономия независимых органов)

данных органов такие изменения, которые ставят под угрозу способность эффективно осуществлять свои полномочия, предусмотренные Конституцией и нормативными актами. Даже в условиях экономического кризиса государство обязано обеспечить функциональную и финансовую независимость в деятельности данных конституционных органов (ПКС № 27/2019, §62).

Конституционный суд отметил, что проведет анализ в соответствии с различными правовыми инструментами Совета Европы, где рассматривается вопрос о независимости судей. Так, статья 6 Европейской хартии о статусе судей предусматривает, что размер материального вознаграждения судей должен устанавливаться таким образом, чтобы оградить их от возможного давления, способного ущемить их независимость. Это вознаграждение может отличаться, в зависимости от объективных факторов, от характера выполняемых профессиональных обязанностей. Кроме того, в рекомендациях Комитета Министров Совета Европы отмечается, с одной стороны, что финансовое обеспечение судей должно соответствовать их роли и ответственности, которой они наделены, и должно быть на достаточном уровне, чтобы защитить их от любого внешнего давления, направленного на изменение принятых решений. С другой стороны, следует предусмотреть точные законодательные положения для предотвращения снижения финансового обеспечения (см. в связи с этим Рекомендацию № R(94)12 о независимости, эффективности и роли судей) (ПКС № 27/2019, §63).

В отношении статьи 6 § 1 Конвенции, Европейский суд в своей практике установил, что суды должны обладать независимостью, в частности, в отношениях с исполнительной, законодательной властями и со сторонами процесса. При определении уровня независимости суда Европейский суд учитывает такие факторы, как порядок и срок назначения его членов, наличие защиты от внешнего давления и фактор внешней независимости субъекта (см., например, Campbell и Fell против Соединенного Королевства, 28 июня 1984 года, § 78; Brudnicka и другие против Польши, 3 марта 2005 года, § 38) (ПКС № 27/2019, §64).

Принимая во внимание эти элементы, Конституционный суд указал, что принцип независимости правосудия, в соответствии со статьями 1 ч. (3), 6, 116 ч. (1) и 121 ч. (1) Конституции, обязывает государственные власти обеспечивать финансовую независимость судей в целях их защиты от риска возможных вмешательств или внешнего давления, или влияния на их беспристрастность в принятии решений (ПКС № 27/2019, §65).

Исключение текста «финансовые средства, необходимые для надлежащего функционирования судебных инстанций, утверждаются Парламентом по предложению Высшего совета магистратуры и включаются в государственный бюджет» из статьи 22 ч. (1) Закона № 514 от 6 июня 1995 года о судеустройстве и замена его текстом «расходы на осуществление правосудия обеспечиваются из государственного бюджета в пределах бюджетных ассигнований, утвержденных Высшему совету магистратуры ежегодным бюджетным законом» ущемляет судебную власть и ограничивают возможность получения средств, необходимых для ее надлежащего функционирования (ПКС № 27/2019, §67).

В этих условиях, Конституционный суд заключил, что ограничение финансовой автономии судебных инстанций не было объективно и разумно обосновано законодателем. Хотя законодатель и ссылается на необходимость установления единых правил финансовой отчетности в публичной сфере, **Конституционный суд отметил, что этот довод не может служить оправданием для снижения гарантированной финансовой защиты судей.** Во-первых, широкая практика Европейского суда выступает за установление высоких стандартов защиты судей от вмешательства исполнительной и законодательной властей (см., например, Мирошник против Украины, 27 ноября 2008 года, §§ 61-64, практика, впоследствии подтвержденная в деле Михно против Украины, 1 сентября 2016 года, §§ 160-162) (ПКС №27/2019, §68).

В результате, Конституционный суд пришел к выводу, что статья 22 ч. (1) Закона о судеустройстве и статья 27 ч. (1) Закона о Высшей судебной палате, в редакции Закона

№172 от 27 июля 2018 года о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты, не отвечают конституционным требованиям о независимости правосудия и признаются неконституционными (ПКС № 27/2019, §69).

Конституционный суд отметил, что текст «Конституционный суд финансируется из государственного бюджета в пределах бюджетных ассигнований, утвержденных ежегодным бюджетным законом» в ч. (1) статьи 37 Закона о Конституционном суде изменяет порядок утверждения бюджета, а пределы ассигнований могут затронуть независимость публичного органа и неблагоприятно сказаться на его функциональной независимости. Конституционный суд посчитал, что предыдущая редакция этой части статьи, которая предусматривала, что «Конституционный суд имеет свой бюджет, который включается в государственный бюджет», предоставляла более высокую степень защиты с точки зрения финансовой независимости данного органа (ПКС № 27/2019, §73).

Таким образом, Конституционный суд заключил, что не находит обоснованных доводов в пользу вмешательства в конституционные ценности, обеспечивающие независимость Конституционного суда (ПКС № 27/2019, §74).

Конституционный суд признал неконституционными часть (1) статьи 37 Закона № 317 от 13 декабря 1994 года о Конституционном суде, часть (1) статьи 27 Закона № 789 от 26 марта 1996 года о Высшей судебной палате и часть (1) статьи 22 Закона № 514 от 6 июля 1995 года о судоустройстве (ПКС № 27/2019, резолютивная часть).

Конституционный суд оставил в силе как положения ч. (1) статьи 37 Закона № 317 от 13 декабря 1994 года о Конституционном суде в следующей редакции: «Конституционный суд имеет свой бюджет, который включается в государственный бюджет», так и первое предложение части (1) статьи 22 Закона № 514 от 6 июля 1995 года о судоустройстве в следующей редакции: «Финансовые средства, необходимые для надлежащего функционирования судебных инстанций, утверждаются Парламентом по предложению Высшего совета магистратуры и включаются в государственный бюджет» (ПКС № 27/2019, резолютивная часть).

2. Основные права, свободы и обязанности

2.1. Равенство

2.1.1. Оплата труда членов Высшего совета магистратуры, избранных из числа штатных преподавателей права

Статья 122 Конституции предусматривает, что в Высший совет магистратуры входят судьи и штатные преподаватели, избранные на четырехлетний срок. В Высший совет магистратуры входят по праву Председатель Высшей судебной палаты, министр юстиции и Генеральный прокурор (ПКС № 21/2019², §35).

Касательно дифференцированного подхода к этим двум категориям субъектов, Конституционный суд отметил, что он предполагает оплату труда членов Высшего совета магистратуры, избранных из числа судей, на более выгодных условиях, чем членов ВСМ, избранных из числа штатных преподавателей права (ПКС № 21/2019, §36).

Конституционный суд отметил, что ст. 3 Закона о Высшем совете магистратуры определяет состав Высшего совета магистратуры. Согласно данной статье, Высший совет магистратуры состоит из 12 членов: шесть избираются путем тайного голосования общим собранием судей, три Парламентом, из числа штатных преподавателей права, и три становятся членами ВСМ в силу занимаемой ими должности. Касательно процедуры избрания членов ВСМ из числа судей, закон предусматривает в ч. (5), что судьи, избранные в ВСМ, откомандировываются в Совет на срок исполнения полномочий его члена. Как указал Конституционный суд на стадии определения

² Постановление № 21 от 03.10.2019 о контроле конституционности некоторых положений Закона № 270 от 23 ноября 2018 года о единой системе оплаты труда в бюджетной сфере

приемлемости обращения, избрание штатного преподавателя права на должность члена Высшего совета магистратуры не влечет признание за ним статуса магистрата (ПКС № 21/2019, §37).

В своей практике Конституционный суд подчеркнул, что конституционный статус судьи не является его личной привилегией, а благом для всего общества, который призван обеспечивать эффективную защиту прав каждого члена общества. Оплата труда судьи, в которую входит любое средство материального или социального обеспечения, является одним из основных компонентов его независимости, будучи противовесом ограничениям, запретам и ответственности, возложенной на них обществом. Конституционный суд подчеркнул, что государство обязано устанавливать такую оплату труда, чтобы компенсировать усилия судьи, его ответственность, и чтобы она соответствовала его статусу и должностным обязанностям. Несовместимости и запреты, установленные Основным законом и получившие развитие в специальном законе, а также ответственность и риски, присущие этой профессии, требуют, чтобы судья получал соизмеримую с его статусом заработную плату. Обширная практика ЕСПЧ в этой сфере также свидетельствует о том, что необходимо обеспечивать защиту судей и их независимости. Поскольку законодатель вправе устанавливать дополнительные гарантии для этих категорий субъектов, Конституционный суд посчитал указанное различие объективно и разумно оправданным (ПКС № 21/2019, §38).

Не менее важным является и тот факт, что признанная свобода усмотрения законодателя в этой области распространяется на применение дифференцированного подхода. Конституционный суд отметил, что законодатель располагает широкой свободой усмотрения в сфере социальной политики и занятости, а также в определении мер по реализации этой цели. Свобода усмотрения включает и свободу организации государственных органов и государственных служб (ПКС № 21/2019, §39).

Более того, оплата труда членов Высшего совета магистратуры, занимающих эту должность по праву, производится по другим правилам, чем те, которые применяются к избранным членам Высшего совета магистратуры. [...] Этот факт подтверждает вывод Конституционного суда о наличии объективного и разумного характера дифференцированного подхода. Исходя из вышеизложенного, Конституционный суд заключил, что в рассматриваемом случае дифференцированный подход не нарушает ст. 16 и ст.43 Конституции, которые гарантируют принцип равенства и право на труд и защиту труда (ПКС № 21/2019, §40).

2.1.2. Страховой стаж лица, ухаживающего за больным с тяжелыми ограниченными возможностями

В соответствии со ст. 5 ч. (2) п. d) Закона о государственной пенсионной системе, период ухода за ребенком с тяжелым ограничением возможностей в возрасте до 18 лет, осуществлявшегося одним из родителей, опекуном, попечителем до его приема на должность персонального ассистента, приравнивается к страховому стажу. Конституционный суд отметил, что данная норма предусматривает применение особых условий в отношении родителя, опекуна или попечителя для исчисления страхового стажа, необходимого для реализации права на пенсию. Конституционный суд обратил внимание на то, что осуществление данного права предполагает признание страхового стажа только в отношении лиц, ухаживающих за ребенком с тяжелыми ограниченными возможностями (ПКС № 19/2019³, §32).

Конституционный суд отметил, что в целях снижения числа брошенных детей и обеспечения социально-экономического равновесия семей законодатель может приравнивать к страховому стажу период ухода за ребенком с тяжелыми ограниченными возможностями. Несмотря на то, что законодатель вправе решать относительно содержания, пределов и условий

³ Постановление № 19 от 24.09.2019 года о контроле конституционности некоторых положений Закона № 156 от 14 октября 1998 года о государственной пенсионной системе

предоставления данного права, в осуществление этих полномочий он не располагает широкой свободой усмотрения, а должен соблюдать требования ст. 16, ст. 47 и ст. 51 Конституции, которые гарантируют принцип равенства, право на социальное обеспечение и защиту, а также особую защиту лиц с ограниченными возможностями (ПКС № 19/2019, §33).

Несмотря на отсутствие четкой конституционной обязанности по признанию страхового стажа лицам, осуществляющим уход за такими людьми, законодатель должен производить регулирование этой сферы, не допуская дискриминацию и соблюдая право лиц с ограниченными возможностями на защиту и социальное обеспечение. Конституционный суд подчеркнул, что, являясь пособием социального страхования, право на пенсию, в том числе право на приравнение к страховому стажу, зависит в значительной мере от социально-экономического и финансового положения государства. Это означает, что законодатель, в соответствии со ст. 72 ч. (2) п. j) Конституции и исходя из социально-экономических реалий, вправе регулировать и менять условия предоставления этих прав. И тем не менее, любые меры, которые приводят к снижению этой защиты, во всех случаях требуют наличия объективного и разумного обоснования и соблюдения конституционных гарантий со стороны законодателя (ПКС № 19/2019, §34).

Рассматриваемый случай свидетельствует о дифференцированном подходе в отношении права на пенсию родителя, опекуна или попечителя, **ухаживающего за лицом с серьезными ограниченными возможностями в возрасте более 18 лет**, с одной стороны, и родителя, опекуна или попечителя, ухаживающего за ребенком с тяжелыми ограниченными возможностями, с другой стороны. **Конституционный суд отметил, что эти категории лиц, обеспечивая уход за лицом с ограниченными возможностями, находятся в одинаковой ситуации и, тем не менее, оспариваемые положения устанавливают дифференцированный подход.** Конституционный суд подчеркнул, что не усматривает объективных и разумных оснований для установления подобного различия. Этот вывод является очевидным, если учитывать тот факт, что данная категория лиц лишена объективной возможности трудоустроиться и получать доходы, при том, что лица с серьезными ограниченными возможностями нуждаются в уходе как до, так и после достижения совершеннолетия (ПКС №19/2019, §35).

Более того, поскольку законодатель обязан предоставлять лицам с ограниченными возможностями надлежащую защиту, лишение лица с серьезными ограниченными возможностями в возрасте более 18 лет защиты в указанном контексте является необоснованным. Исходя из положений ст. 51 ч. (1) Конституции, эти лица имеют право на чувство достоинства и самоуважения, и на помощь со стороны тех, которые могут о них заботиться, чаще всего членов семьи. Лица, обеспечивающие уход за такими людьми, находятся в одинаковом положении и должны иметь по закону равные возможности (ПКС №19/2019, §36).

Исходя из этих предпосылок, Конституционный суд расценил как неоправданный дифференцированный подход в отношении родителя, опекуна или попечителя ребенка с тяжелыми ограниченными возможностями, с одной стороны, и родителя, опекуна или попечителя лица с тяжелыми ограниченными возможностями в возрасте более 18 лет, с другой стороны, в плане признанных преимуществ для реализации права на пенсию. Этот дифференцированный подход противоречит положениям ст. 16, ст. 47 и ст. 51 Конституции (ПКС № 19/2019, §37).

2.1.3. Предполагаемая дискриминация осужденных к лишению свободы мужчин, имеющих детей в возрасте до 8 лет

Оспариваемые положения Закона об амнистии в связи с провозглашением 2008 года Годом молодежи предоставили женщинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет, возможность освобождения от наказания в виде тюремного заключения, которая не была предоставлена

мужчинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет. Однако предоставление этой возможности только женщинам имеет объективное и разумное обоснование (ПКС №10/2019⁴, §49).

Конституционный суд указал, что, освобождая матерей от тюремного заключения, Парламент действовал в целях защиты высшего интереса ребенка, который выражается в воспитании и уходе за ребенком со стороны матери (ПКС № 10/2019, §43).

В обоснование предоставления амнистии только матерям, имеющим детей в возрасте до восьми лет, Конституционный суд отметил, что, согласно опубликованным Национальным бюро статистики данным, в начале 2008 года в 17 пенитенциарных учреждениях отбывали наказание 5470 заключенных, из которых 282 женщины (5,2%) (см. <https://goo.gl/ruYRfC>). Так, заключенных мужского пола было примерно на 95% больше, чем заключенных женского пола. Предоставление права на амнистию всем отцам с детьми в возрасте до восьми лет, включая совершивших тяжкие преступления, предполагало бы освобождение из тюремного заключения очень большого числа осужденных. Освобождение большого числа лиц, не отбывших свое наказание, некоторые из них могут быть опасны, может создать в обществе чувство тревоги относительно общественной безопасности (ПКС № 10/2019, §47).

В связи с этим, Конституционный суд заключил, что Парламенту было бы очень сложно, скорее всего даже невозможно, освободить отцов по тем же основаниям, по которым освобождались матери. Если бы он преследовал цель обеспечить равноправное отношение, Парламент вероятно не принял бы данный Закон об амнистии и, в результате, не был бы освобожден ни один из родителей (ПКС № 10/2019, §48).

Более того, ничто не мешало и не мешает отцам обращаться в компетентные учреждения в целях предоставления права на досрочное освобождение по личным мотивам. В этом аспекте, Уголовный кодекс предусматривает множество институтов, предоставляющих освобождение от наказания с учетом особых обстоятельств каждого конкретного дела (ПКС № 10/2019, §50).

Следовательно, слово «женщинами» во втором предложении статьи 5 Закона № 188 от 10 июля 2008 года об амнистии в связи с провозглашением 2008 года Годом молодежи соответствует статье 16 в сочетании со статьей 28 Конституции (ПКС № 10/2019, §51).

2.1.4. Равные условия в отношении обязательного медицинского страхования в случае родителя, воспитывающего четырех и более детей

Хотя Конституция прямо не гарантирует право на обязательное медицинское страхование за счет государства для матерей четырех и более детей, но если законодатель решил предоставить такое право, а оно по своему социальному характеру подпадает под действие статьи 47 Конституции, должны быть обеспечены равные преимущества от его осуществления (ПКС № 3/2019⁵, §44).

Статья 4 ч. (4) п. m) Закона об обязательном медицинском страховании устанавливает, что Правительство выступает страхователем в отношении матерей четырех и более детей, неработающих и имеющих место жительства в Республике Молдова. Согласно данной норме, **чтобы воспользоваться правом на обязательное медицинское страхование за счет государства, лицо должно отвечать следующим требованиям: (i) не быть трудоустроенным; (ii) иметь место жительства в Республике Молдова; (iii) иметь четырех и более детей; и (iv) иметь статус матери.** Если первые три условия отвечают требованиям принципа равенства, представляя собой нейтральные критерии, четвертое условие вызывает сомнения в его

⁴ Постановление № 10 от 08.04.2019 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений статьи 5 Закона № 188 от 10 июля 2008 года об амнистии в связи с провозглашением 2008 года Годом молодежи

⁵ Постановление № 3 от 18.01.2019 о контроле конституционности некоторых положений Закона № 1585 от 27 февраля 1998 года об обязательном медицинском страховании и Положения о предоставлении/приостановлении статуса застрахованного лица в системе обязательного медицинского страхования

конституционности и нуждается в анализе с точки зрения недискриминации (ПКС № 3/2019, §46).

Развитие гендерного равенства сегодня является одной из основных задач стран-участниц Совета Европы, и только очень веские причины могут оправдать дифференцированное отношение по половому признаку. В частности, ссылки на традиции, на общие предположения или на преобладающие социальные устои в определенном государстве не являются объективным и разумным основанием для дифференцированного отношения по половым признакам. Например, Европейский суд подчеркивал, что государства-участники Конвенции не могут навязывать традиции, исходящие из понятия, что в семье мужчина играет первостепенную роль, а женщина второстепенную (см. в связи с этим *Ünal Tekeli против Турции*, 16 ноября 2004 года, § 63) (ПКС № 3/2019, §47).

С другой стороны, в неизменной практике Европейского суда было установлено, что дифференцированное отношение по половому признаку отвечает требованиям статьи 14 Конвенции, если оно обеспечивает существенное равенство между мужчинами и женщинами. Так, установление различных потребностей для женщин, в частности, в связи с беременностью и материнством, рассматривается как отвечающее требованиям статьи 14 Конвенции. Следовательно, определенные различия по отношению к мужчинам и женщинам в пользу женщин являются приемлемыми при условии, что они обеспечивают защиту беременности или материнства (ПКС № 3/2019, §48).

В контексте настоящего дела, Конституционный суд указал, что рассматриваемые цели не содержатся в оспариваемых нормах, поскольку право на обязательное медицинское страхование направлено на обеспечение **защиты здоровья родителя, воспитывающего четырех и более детей** (ПКС № 3/2019, §49).

Конституционный суд отметил, что статья 4 ч. (4) п. m) Закона об обязательном медицинском страховании гарантирует матерям четырех и более детей право на обязательное медицинское страхование. Тщательный анализ данного положения показывает, что оно предоставляет защиту матери не только на период материнства, во время которого мать особенно уязвима, а также не осуществляет защиту отношений, характерных между матерью и детьми, поскольку эта мера действует и вне периода беременности и родов (ПКС № 3/2019, §50).

Более того, осуществление этого права даже не имеет прямой связи с материнством или беременностью. Это видно из анализа пункта 34 пп. 2 лит. f) Положения о предоставлении/приостановлении статуса застрахованного лица в системе обязательного медицинского страхования, которое развивает законодательные нормы и устанавливает право на обязательное медицинское страхование и для приемных родителей четырех и более детей. Эти обстоятельства позволяют Конституционному суду сделать вывод, что рассматриваемое положение не направлено на защиту женщин с точки зрения беременности и материнства, ключевым фактором являясь воспитание и уход за четырьмя и более детьми (ПКС № 3/2019, §51).

Конституционный суд заключил, что дифференцированное отношение, установленное к матерям и отцам, воспитывающим четырех и более детей, в области предоставления права на обязательное медицинское страхование является необоснованным. Вывод о необоснованности дифференцированного отношения становится еще более очевидным в свете предоставления этого права в результате усыновления детей, когда предоставление этой привилегии исключительно приемной матери абсолютно необоснованно (ПКС № 3/2019, §52).

Конституционный суд пришел к выводу, что пользоваться этим правом должны в равной степени как мать, так и отец четырех и более детей, поскольку, в случае воспитания и ухода за этими детьми, они находятся в сопоставимых ситуациях (ПКС № 3/2019, §53).

Решение о неконституционности слова «*матери*» в статье 4 ч. (4) п. m) Закона об обязательном медицинском страховании и слова «*матерям*» в пункте 34 лит. f) Положения о предоставлении/приостановлении статуса застрахованного лица в системе обязательного медицинского страхования может лишить эффективности право на медицинское обслуживание

для лиц, воспитывающих четырех и более детей, и создать препятствия в национальной системе обязательного медицинского страхования. Поэтому, чтобы устранить существующие недостатки, Конституционный суд установил в постановлении временное решение, которое отрегулирует вопрос обязательного медицинского страхования для родителя, воспитывающего четырех и более детей, до внесения Парламентом изменений (ПКС № 3/2019, §60).

Это решение требует от ответственных органов в области обязательного медицинского страхования, чтобы они, в случае обращения лиц, пользующихся обязательным медицинским страхованием (мать и другие лица, имеющие статус родителя, воспитывающего четырех и более детей), удовлетворяли их заявления в целях обеспечения эффективности получения права, которым они обладают (ПКС № 3/2019, §61).

2.2. Свободный доступ к правосудию

2.2.1. Приостановление исполнения актов Национального банка Молдовы

Исключение статьей 214 ч. (8) Административного кодекса возможности требовать приостановление исполнения актов Национального банка Молдовы, принятых в процессе оценки и надзора за качеством акционеров субъектов, находящихся под надзором Национального банка, само по себе не приравнивается к нарушению статьи 20 Конституции (ПКС № 20/2019⁶, §39).

Рассматриваемая отдельно, невозможность приостановления соответствующих актов Национального банка Молдовы, в сущности, не влияет на право акционеров на справедливое судебное разбирательство. В соответствии со статьей 20 Конституции и статьей 6 Европейской конвенции о правах человека, фундаментальным правом, которым обладают лица, является право на (i) «справедливое и публичное рассмотрение дела», (ii) «в разумный срок» и (iii) «независимым» и «беспристрастным» судом, «учрежденным законом». Эти условия не требуют установления процедуры приостановления актов Национального банка Молдовы. Возможность приостановления действия некоторых актов государственных органов предположительно может быть необходима с точки зрения права на справедливое судебное разбирательство, если бы это право не могло действовать или существовать без такой возможности (ПКС № 20/2019, §48).

Право на справедливое судебное разбирательство может существовать или действовать без института приостановления. В то же время, если оно предусмотрено, приостановление не может существовать без гарантий права на справедливое судебное разбирательство, кроме как в четко определенных ситуациях. В качестве отступления, Конституционный суд приводит следующий пример из практики Европейского суда: по делу Micallef против Мальты [БП], 15 октября 2009 года, § 75, Европейский суд отметил, что предварительные процедуры, каковой является установление меры по приостановлению, обычно не рассматриваются как определяющие гражданские права и обязанности, следовательно, не подпадают под действие статьи 6 Конвенции. Однако, в некоторых случаях Европейский суд применил статью 6 в отношении предварительных мер, в частности, когда они имели решающее значение для гражданских прав заявителя. Применимость права на справедливое судебное разбирательство в случае предварительных мер зависит от следующих условий: во-первых, соответствующее право должно быть гражданского характера как в рамках основного процесса, так и в ходе процедуры приостановления. Во-вторых, необходимо проанализировать характер предварительной меры, ее цель и назначение, а также ее влияние на указанное право. Если предварительная мера считается эффективной для определения гражданского права или обязательства, несмотря на продолжительность ее действия, статья 6 будет иметь применение (Kübler против Германии, 13 января 2011 года, § 47) (ПКС № 20/2019, §49).

Таким образом, однозначное суждение Конституционного суда, изложенное в ПКС №31 от 1 октября 2013 года, о наличии права требовать приостановление

⁶ Постановление № 20 от 26.09.2019 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений статьи 214 ч.(8) Административного кодекса и статьи 11¹ ч. (4) Закона № 548 от 21 июля 1995 года о Национальном банке Молдовы

административных актов, в свете статьи 20 Конституции, является необоснованным. Чтобы обратиться в Конституционный суд с утверждением о нарушении статьи 20 Конституции, необходимо установить нарушение общего характера справедливости процедур наличием законодательных норм, это будучи фундаментальным критерием, который авторы обращения должны были доказать (ПКС № 20/2019, §50).

Возможное наличие позитивного обязательства государства по обеспечению санкционированным акционерам права требовать приостановления актов Национального банка Молдовы может исходить из процессуальных составляющих права собственности и только, если отсутствие права требовать приостановление может нанести праву собственности ущерб, который станет необратимым и с небольшой вероятностью восстановления. Кроме того, наличие позитивного обязательства государства по обеспечению права требовать приостановления актов Национального банка Молдовы санкционированными акционерами может привести к нарушению права на справедливое судебное разбирательство в сочетании с правом собственности, если последствия действия актов Национального банка Молдовы предполагают нарушение общего характера справедливости судебных процессов (ПКС №20/2019, §51).

Согласно статье 45 ч. (1) Закона о деятельности банков, любое лицо обязано до приобретения/получения во владение акций банка получить от Национального банка Молдовы предварительное разрешение на определенных условиях в следующих ситуациях:

а) лицо в качестве потенциального приобретателя намеревается приобрести любым способом, прямо или косвенно, в том числе в качестве выгодоприобретающего собственника, существенное владение в уставном капитале банка или увеличить, прямо или косвенно, в том числе в качестве выгодоприобретающего собственника, свое существенное владение таким образом, чтобы пропорция его прав голоса или владения соответствовала или превышала 5, 10, 20, 33 или 50 процентов, либо таким образом, чтобы банк стал его филиалом;

б) лицо в качестве получателя во владение намеревается получить во владение, индивидуально или согласованно, любым способом, владение в определенном банке, на которое распространяются положения части (2) статьи 45 Закона или части (2) статьи 52 Закона;

с) лицо намеревается получить в качестве вклада в свой уставный капитал акции банка.

В случае нарушения этих законодательных положений, осуществление права голоса, права созыва и проведения общего собрания акционеров, права внесения вопросов в повестку дня, права выдвижения кандидатов в члены органа управления, права на получение дивидендов приостанавливается по праву со дня приобретения/получения во владение [статья 45 ч. (2) Закона о деятельности банков] (ПКС № 20/2019, §53).

Конституционный суд отметил, что санкция, предусмотренная статьей 45 ч. (2) Закона о деятельности банков, сопровождается другой санкцией, предусмотренной ч. (4), которая требует от заинтересованных лиц отчуждения акций, приобретенных/полученных во владение, в течение трех месяцев с момента приобретения/получения. Более того, согласно статье 52 ч. (6) Закона о деятельности банков, Национальный банк Молдовы может распорядиться о продлении трехмесячного срока до трех раз на периоды, не превышающие три месяца, если продление необходимо для недопущения нарушения финансовой стабильности, или при наличии общественного интереса в продлении, или в случае выявления, без предварительной оценки Национальным банком Молдовы, потенциального приобретателя выставленных на продажу акций, подходящие и надлежащие качества которого не вызывают никаких обоснованных сомнений на момент принятия решения о продлении (ПКС № 20/2019, §54).

Обязательство отчуждения этими лицами акций, приобретенных/полученных во владение, в течение трех месяцев с момента их приобретения/получения само по себе не является нарушением права собственности, а лишь вмешательством в него. По процедуре, наступление последствий этого законного обязательства может быть продлено или отменено, а если не может быть отменено, существуют компенсационные меры (ПКС № 20/2019, §55).

Возможность возмещения материального ущерба, причиненного отмененным актом Национального банка Молдовы, представляет собой процессуальную гарантию, достаточную для ненарушения права собственности в связи с обязательством санкционированного акционера к отчуждению своих акций (ПКС № 20/2019, §57).

Если по истечении трехмесячного срока, указанного в ч. (4) статьи 45 Закона о деятельности банков, акции не были проданы, вступают в действие положения статьи 52¹ закона (ПКС № 20/2019, §58).

Из статьи 52¹ также следует, что право собственности санкционированных акционеров не нарушается, поскольку данные собственники в конечном итоге получают компенсацию. Условия компенсации в соответствии с этими положениями важны, чтобы заключить, что устанавливающая санкции правовая норма соблюдает требуемый справедливый баланс и не налагает на заявителей несоразмерного бремени (см. Grainger против Соединенного Королевства (dec.), 10 июля 2012 года, § 37) (ПКС № 20/2019, §59).

В ПКС № 29 от 6 ноября 2017 года Конституционный суд в пункте 68 отметил, что установленное Законом № 550 от 21 июля 1995 года о финансовых учреждениях правило о возмещении ущерба в соответствующем денежном эквиваленте обеспечивает «справедливый баланс между общественным интересом и интересами банков/акционеров» (ПКС № 20/2019, §60).

Эта норма соответствует статье 53 ч. (1) Конституции, согласно которой лица, ущемленные в каком-либо своем праве властью посредством какого-либо административного акта или неудовлетворением прошения в установленный срок, могут добиваться признания своего права, отмены акта и возмещения ущерба (ПКС № 20/2019, §61).

Кроме того, Конституционный суд в качестве гарантии отметил, что, согласно ч. (9) статьи 11 Закона № 548 о Национальном банке Молдовы, иски об оспаривании актов Национального банка, принятых в процессе оценки и надзора за качеством акционеров субъектов, находящихся под надзором Национального банка, рассматриваются в трехмесячный срок со дня их подачи. Так, акционеры, прилагающие должные усилия, имеют возможность до истечения срока отчуждения акций (также составляющий 3 месяца) доказать в суде, что они отвечают всем требованиям добросовестности (ПКС № 20/2019, §62).

Конституционный суд отметил, что оставляет за собой право проверять и в дальнейшем конституционность законодательных положений в области применения санкций и возмещения ущерба, причиненного незаконным применением этих санкций, принятых в процессе оценки и надзора за качеством акционеров банков, в случае обращения о предполагаемом нарушении основных прав (ПКС № 20/2019, §63).

2.2.2. Срок обжалования исполнительных актов, составленных судебным исполнителем

Положения одного и того же нормативного акта регламентируют различным образом обжалование составленных в исполнительном производстве актов. Эта нормативная разноречивость создает для адресатов закона правовую незащищенность. Вследствие этого, как тяжущиеся, так и субъекты, уполномоченные применять Исполнительный кодекс, оказываются в затруднительном положении, поскольку должны выбирать между несколькими вариантами (ПКС № 8/2019⁷, §51).

Даже прибегнув к консультации специалиста, лицо не может со всей ясностью определить, в соответствии с какой нормой – ст. 162 ч.(1), ст. 66 ч. (2) или ст. 67 ч. (7) Исполнительного кодекса – будет исчисляться срок обжалования акта судебного исполнителя. Существует риск, что, выбирая норму, представители закона применяют произвольные и дискреционные критерии

⁷ Постановление № 8 от 05.04.2019 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений ст. 162 ч. (2) Исполнительного кодекса

и, в результате, лицо не сможет эффективно воспользоваться правом на обжалование исполнительного акта, включая акта о наложении ареста на имущество (ПКС № 8/2019, §52).

Применение при исчислении срока обжалования положений ст.162 ч. (1) Исполнительного кодекса может привести к неоправданному ограничению права доступа к суду. Таким образом, должник или другой участник исполнительного производства, который по вине судебного исполнителя или по вине почтового отделения вовремя не получил исполнительный документ, не может эффективно воспользоваться правом на обжалование акта в 15 дней с даты составления (ПКС № 8/2019, §53).

Кроме того, кто-то может предположить, что первое предложение ст. 162 ч. (1) Исполнительного кодекса применяется только к лицам, эффективно участвовавшим в исполнительном производстве, поскольку в нем используется понятие «участники исполнительного производства», обозначая субъекты, обладающие правом обжалования актов судебных исполнителей в 15-дневный срок с даты их составления. Исполнительный кодекс представляет собой согласованную правовую систему, а это означает, что его положения подлежат систематическому толкованию. В этой связи, Конституционный суд отметил, что согласно ст. 42 Исполнительного кодекса, участниками исполнительного производства являются стороны (взыскатель и должник), взыскатели–третьи лица, представители, специалисты, эксперты, переводчики, понятые. Таким образом, оспариваемые положения применяются в равной мере как к присутствовавшим, так и к не присутствовавшим при совершении действий в исполнительном производстве (ПКС № 8/2019, §54).

В этом аспекте, ЕСПЧ подчеркнул, что, хотя соблюдение предусмотренных во внутреннем законодательстве сроков направлено на обеспечение правовой определенности и надлежащего отправления правосудия, в исключительных случаях необходимо проявить гибкость, чтобы не ограничивать доступ к правосудию в нарушение положений Конвенции (Marc Brauer против Германии, 1 сентября 2016 года, § 42) (ПКС № 8/2019, §57).

Исходя из вышеизложенного, Конституционный суд заключил, что второе предложение «исполнительные акты, составленные судебным исполнителем, не могут быть обжалованы, если с момента их составления прошло более 6 месяцев» в ч. (1) ст. 161, второе предложение «срок обжалования не может быть восстановлен лицом, если со дня вынесения или отказа в вынесении решения по обжалуемому акту прошло более 6 месяцев» в ч. (2) ст. 162 и текст «со дня совершения действия или отказа совершить определенные действия» в ч. (1) ст. 162 Исполнительного кодекса противоречат ст.20 в сочетании со ст. 23 ч. (2) и ч. (4) Конституции, являясь неконституционными (ПКС № 8/2019, §59).

Со дня вынесения настоящего постановления срок обжалования исполнительных актов, составленных судебными исполнителями, исчисляется в соответствии с положениями ст. 66 ч. (2) или, в зависимости от случая, ст. 67 ч. (7) Исполнительного кодекса. Если жалобы на исполнительные акты исходят от третьих лиц, не участвовавших в исполнительном производстве, применяется второе предложение ст. 162 ч. (1) Исполнительного кодекса, согласно которой третьи лица, не принимавшие участия в исполнительном производстве, могут обжаловать исполнительные акты, составленные судебным исполнителем, в 15-дневный срок со дня, когда они узнали или должны были узнать о них. Лица, которые по уважительным причинам не воспользовались этим правом в установленный срок, могут требовать восстановления срока обжалования исполнительных документов, на основании первого предложения ст. 162 ч. (2) Исполнительного кодекса, в условиях Гражданского процессуального кодекса (ПКС № 8/2019, §60).

2.2.3. Отсутствие кассационного обжалования определения об отклонении возражений должника

Конституционный суд разумно допустил, что отказ от кассационного обжалования определения об отклонении возражений должника преследует общественные интересы разгрузки судебных инстанций и экономии средств, которые подчиняются общей цели общественного порядка, предусмотренной ст. 54 ч. (2) Конституции (ПКС № 7/2019⁸, §39).

Конституционный суд не выявил других менее интрузивных мер, разумно связанных с указанными правомерными целями, для права на справедливое судебное разбирательство и права собственности должника, способных обеспечивать так же эффективно достижение цели разгрузки судебных инстанций и экономии средств (ПКС № 7/2019, §44).

Упрощенное приказное производство, где отсутствует состязательность, преследует цель разгрузки судебных инстанций и экономии средств. Однако, это не служит оправданием для сокращения и так недостаточных гарантий, которыми располагает должник (ПКС № 7/2019, §48).

Проведя сравнительный анализ гражданского производства в европейских государствах, Конституционный суд установил, что в большинстве государств (*e.g.* Австрия, Чехия, Эстония, Франция, Германия и др.), если в упрощенном производстве дебитор-ответчик высказывает против требований кредитора возражения, включая необоснованные, рассмотрение дела продолжается в исковом производстве. Тем не менее, Конституционный суд не может утверждать, что в европейских государствах существует консенсус по этому вопросу. В других государствах, к примеру, в Румынии, Словении, Словакии, процессуальные законы устанавливают требование обоснованности возражений дебиторов-ответчиков, а судья вправе их отклонять. Конституционный суд отметил, что в этих странах должники, если их возражения не принимаются, имеют право обжаловать либо акт об отклонении возражений, либо акт о взыскании требования (ПКС № 7/2019, §49).

В отличие от этих государств, в Республике Молдова законодатель установил, что возражения должника должны быть обоснованными, и наделил судью, вынесшего судебный приказ, дискреционной властью отклонить эти возражения не подлежащим обжалованию определением. В этом случае трудно согласиться с тем, что в отношении должника соблюдаются право собственности и право на справедливое судебное разбирательство. При возникновении подозрений в наличии спора дело уже не может быть разрешено в упрощенном производстве, а подлежит рассмотрению в порядке искового производства, в котором обеспечиваются все гарантии, присущие праву на справедливое судебное разбирательство. Конституционный суд пришел к разумному выводу, что было оправданным эффективное обжалование определения об отклонении возражений должника, поскольку таким образом обеспечивался надлежащий контроль, если судья, вынесший судебный приказ, упускал из виду существующий между кредитором и должником спор (ПКС № 7/2019, §50).

Исходя из вышеизложенного, Конституционный суд заключил, что упразднение кассационного обжалования определения об отклонении возражений в приказном производстве является мерой, несоразмерной с преследуемыми целями. Таким образом, оспариваемые положения не соответствуют ст. 20 и ст. 46 Конституции (ПКС № 7/2019, §51).

2.2.4. Обжалование отказа органа уголовного преследования в принятии жалобы или доноса о совершении преступления

Статья 265 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что отказ органа уголовного преследования в принятии жалобы или доноса может быть незамедлительно обжалован судье по уголовному преследованию, но не позднее чем в пятидневный срок с момента отказа (ПКС № 6/2019⁹, §49).

⁸ Постановление № 7 от 19.03.2019 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений ст. 353 ч. (1) Гражданского процессуального кодекса

⁹ Постановление № 6 от 19 марта 2019 года об исключительном случае неконституционности статьи 265 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса

Из анализа статьи 313 ч. (2) пкт. 1) лит. а) и ч. (3) кодекса, в отличие от вышеуказанных положений, исходит, что лицо может обжаловать отказ органа уголовного преследования в принятии жалобы или доноса о совершении или подготовке к совершению преступления судье по уголовному преследованию в десятидневный срок со дня ознакомления с отказом (ПКС №6/2019, §50).

В результате, обжалование отказа органа уголовного преследования в принятии жалобы или доноса регламентируется различными способами двумя положениями одного и того же нормативного акта. Эта нормативная несогласованность создает правовую неопределенность для лиц, которым предназначен данный закон. Как стороны, так и субъекты, наделенные полномочиями по применению Уголовно-процессуального кодекса, находятся в затруднительном положении, будучи вынуждены выбирать между несколькими возможными вариантами (ПКС № 6/2019, §53).

Даже обратившись за помощью к специалисту, лицо не может однозначно определить, на основании какой нормы – статьи 265 ч. (2) или статьи 313 ч. (2) пкт. 1) лит. а) Уголовно-процессуального кодекса – следует обжаловать отказ органа уголовного преследования в принятии жалобы или доноса о совершении или подготовке к совершению преступления. Существует риск выбора одной из этих норм лицами, применяющими закон, на основе произвольных и дискреционных критериев, в результате чего заявитель не может эффективно реализовать свое право на обжалование отказа органа уголовного преследования в принятии жалобы или доноса о предполагаемом совершении преступления (ПКС № 6/2019, §54).

В случае применения статьи 265 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса лицо лишается предварительного контроля, осуществляемого прокурором или вышестоящим прокурором. Более того, применение этой нормы может привести к необоснованному ограничению права на доступ к правосудию и к дискриминационному отношению. Так, лица, вовремя получившие через почтовые отделения отказ органа уголовного преследования в принятии жалобы или доноса о совершении или подготовке к совершению предполагаемого преступления, могут его обжаловать, поскольку они могут реализовать это право в установленный пятидневный срок с момента принятия констатирующего акта. По сравнению с данной категорией лиц, те лица, которые получили этот отказ через почту с опозданием (возможно, что и по вине органа уголовного преследования, который отправил отказ по истечении тех пяти дней, предусмотренных для обжалования), не имеют возможности эффективно реализовать право на обжалование в срок, тем самым к ним проявляется различное отношение по независящим от них причинам. Согласно статье 16 Конституции, такое дифференцированное отношение не является объективно и разумно обоснованным (см., *mutatis mutandis*, ПКС № 7 от 26 апреля 2018 года, § 52 и § 53) (ПКС № 6/2019, §55).

Конституционный суд отметил, что пятидневный срок обжалования отказа органа уголовного преследования в принятии жалобы или доноса о совершении или подготовке к совершению предполагаемого преступления, установленный статьей 265 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса, исчисляется со дня вынесения отказа, а не со дня доведения его до сведения лица, что подтверждается и мнением Высшей судебной палаты (ПКС № 6/2019, §58).

В связи с этим, Европейский суд отмечал, что, хотя соблюдение предусмотренных во внутреннем законодательстве сроков направлено на обеспечение правовой определенности и надлежащего отправления правосудия, в исключительных случаях необходимо проявить гибкость, чтобы не ограничивать доступ к правосудию в нарушение положений Конвенции (Marc Brauer против Германии, 1 сентября 2016 года, § 42) (ПКС № 6/2019, §60).

Из этого следует, что право на обжалование может быть эффективно осуществлено только со дня доведения до сведения лица оспариваемого акта. В противном случае, это право рискует стать теоретическим и иллюзорным. Если государство гарантирует какое-либо право, оно должно создавать условия для его реализации (ПКС № 6/2019, §61).

Конституционный суд заключил, что положения части (2) статьи 265 Уголовно-процессуального кодекса противоречат статье 20 в совокупности со статьями 16 и 23 Конституции и, соответственно, признаются неконституционными (ПКС № 6/2019, §62).

2.3. Право каждого человека на знание своих прав и обязанностей

2.3.1. Спорное понятие «тяжкие последствия», содержащееся в нормах уголовного закона

Конституционный суд в Постановлении № 22 от 1 октября 2018 года рассмотрел вопрос о том, отвечает ли текст «повлекшие тяжкие последствия» в п. d) ч. (3) статьи 328 Уголовного кодекса требованиям законности уголовной ответственности и уголовного наказания, а также доступности и ясности уголовного закона, как предусматривают статьи 1 ч. (3) и 22, в сочетании со статьей 23 ч. (2) Конституции. Учитывая тот факт, что понятие «тяжкие последствия» содержится и в статьях 189 ч. (3) п. f), 307 ч. (2) п. c), 327 ч. (2) п. c), 329 ч. (2) п. b) и 335 ч. (1¹) Уголовного кодекса, Конституционный суд рассмотрел конституционность этой синтагмы в свете критерия, установленного в Постановлении № 22 от 1 октября 2018 года (ПКС № 24/2019¹⁰, §117).

Что касается условия доступности, Конституционный суд отметил, что общественность имеет доступ к Уголовному кодексу, последний будучи опубликован в Официальном Мониторе. Здесь действует презумпция знания закона, которая вытекает из общеправового принципа *nemo censetur ignorare legem*. Следовательно, нет сомнений в том, что рассматриваемые положения отвечают требованию доступности, а задача Конституционного суда состоит в том, чтобы определить, являются ли эти положения достаточно предсказуемыми (ПКС № 24/2019, §118).

Конституционный суд предварительно отметил, что в практике Европейского суда было установлено, что сфера применения понятия предсказуемости в значительной степени зависит от содержания соответствующей нормы, регулируемой ею области и от численности и статуса тех, кому она предназначена. Лица, осуществляющие профессиональную деятельность, должны проявлять большую осторожность в своей работе и, соответственно, нести связанные с их деятельностью риски (Sekmadienis Ltd. против Литвы, 30 января 2018 года, § 65; Satakunnan Markkinapörssi Oy и Satamedia Oy против Финляндии [БП], 27 июня 2017 года, § 145) (ПКС №24/2019, §119).

Преступление, предусмотренное статьей 189 ч. (3) п. f) Уголовного кодекса, в которой используется понятие «тяжкие последствия», не имеет квалифицированного субъекта. Другими словами, уголовная норма не требует наличия особого качества для определения субъекта преступления. В данном случае, степень предсказуемости закона следует оценивать по стандарту «обычной юридической практики» (ПКС № 24/2019, §120).

Конституционный суд заключил, что по статье 307 ч. (2) п. c) Уголовного кодекса [преступления против правосудия] субъектом преступления может быть только судья, а в случае статей 327 ч. (2) п. c) и 329 ч. (2) п. b) Уголовного кодекса [преступления, посягающие на надлежащее осуществление деятельности в публичной сфере] – любое публичное лицо, в смысле статьи 123 ч. (2) кодекса (ПКС № 24/2019, §121).

В статье 335 ч. (1¹) Уголовного кодекса законодатель предусмотрел в качестве субъекта преступления лицо, управляющее коммерческой, общественной или иной негосударственной организацией либо работающее для такой организации. Учитывая то, что эти нормы применимы в отношении различных направлений профессиональной деятельности, степень их предсказуемости также должна оцениваться в свете стандарта «обычной юридической практики» (ПКС № 24/2019, §122).

¹⁰ Постановление № 24 от 17.10.2019 года о контроле конституционности некоторых положений статей 189 ч. (3) п. f), 307 ч. (2) п. c), 327 ч. (2) п. c), 329 ч. (1) и ч. (2) п. b) и статьи 335 ч. (1¹) Уголовного кодекса

Однако Конституционный суд отметил, что в уголовном законе нет точных критериев, по которым можно было бы оценить значение понятия «тяжкие последствия», использованного в рассматриваемых статьях Уголовного кодекса. Закон также не устанавливает каких-либо материальных критериев, определяющих «тяжесть» пагубного последствия. Так, квалификация последствий преступления как «тяжкие» непосредственно влечет за собой отягчение уголовной ответственности преступника. Данный вывод вытекает из сравнения наказаний за типовые преступления, в которых нет такого квалифицирующего признака, как «тяжкие последствия», и за преступления с отягчающими обстоятельствами, содержащие это понятие (ПКС № 24/2019, §123).

Более того, судебная практика в данной области не выработала для оспариваемого понятия точного значения, которое составляло бы основу для оценки его содержания, и, соответственно, статьи 189 ч. (3) п. f), 307 ч. (2) п. c), 327 ч. (2) п. c), 329 ч. (2) п. b) и 335 ч. (1¹) Уголовного кодекса могут подвергаться расширительному толкованию не в пользу виновного. В связи с этим, Европейский суд подчеркнул в деле Пригалэ против Республики Молдова, 13 февраля 2018 года, § 38-40, что расширительное толкование не в пользу лица составляет нарушение статьи 7 Европейской конвенции (ПКС № 24/2019, §124).

Так, даже в случае преступлений, субъекты которых осуществляют определенную профессиональную деятельность [в данном случае, статьи 307 ч. (2) п. c) и 335 ч. (1¹) Уголовного кодекса], существует риск того, что «тяжесть» будет оценена на основе произвольных и дискреционных критериев лицами, наделенными полномочиями применения уголовного закона (см., например, постановление Европейского суда по делу Олександр Волков против Украины от 9 января 2013 года, § 186, в котором суд установил, что формулировка закона была недостаточно ясной, чтобы дать возможность его адресатам – судьям, то есть лицам, имеющим хорошую юридическую подготовку, знать деяния, которые могут повлечь за собой дисциплинарную ответственность) (ПКС № 24/2019, §125).

Учитывая множественность значения этой синтагмы, Конституционный суд отметил, что адресат уголовной нормы не может знать, какие действия/бездействие запрещены, чтобы строить свое поведение соответствующим образом. На практике лица, уполномоченные применять уголовный закон, могут определить их только по критериям, лишенным правовой основы. Даже получив профессиональную консультацию, адресат нормы не будет иметь возможности соблюдения законодательного положения (ПКС № 24/2019, §126).

Таким образом, в отсутствие в уголовном законе четких признаков, квалификация пагубных последствий преступления в качестве «тяжких последствий» осуществляется по усмотрению лиц, применяющих уголовный закон, а виновный оказывается в ситуации правовой незащищенности (ПКС № 24/2019, §127).

Подводя итоги вышесказанному, Конституционный суд заключил, что понятие «тяжкие последствия» в статьях 189 ч. (3) п. f), 307 ч. (2) п. c), 327 ч. (2) п. c), 329 ч. (2) п. b) и 335 ч. (1¹) Уголовного кодекса является неточным и неясным, и предоставляет применяющим его органам чрезмерную свободу усмотрения. Следовательно, эта синтагма не отвечает требованиям качества уголовного закона, чем противоречит статьям 1 ч. (3) и 22, в сочетании со статьей 23 ч. (2) Конституции (ПКС № 24/2019, §128).

Однако Конституционный суд отметил, что, хоть он и установил неконституционность понятия «тяжкие последствия», содержащегося в указанных статьях, это не мешает Парламенту уточнить его параметры и содержание. Простое исключение этого понятия может не обеспечить соответствующую защиту охраняемым уголовным законом социальным ценностям в случае, когда совершением преступления ставится под угрозу жизнь и здоровье лица, а также в случае причинения ущерба в значительных размерах (ПКС № 24/2019, §129).

В связи с этим, Конституционный суд направил Парламенту представление в целях точного определения в уголовном законодательстве последствий, которые могут быть квалифицированы

как «тяжкие последствия» в контексте всех преступлений Уголовного кодекса (ПКС № 24/2019, §131).

Конституционный суд также отметил, что для реализации целей уголовного закона не исключается возможность применения наказаний за типовые преступления, предусмотренные статьями 189, 307, 327, 329 и 335 Уголовного кодекса, которые не осложнены квалифицирующим признаком «тяжкие последствия». Более того, не исключается возможность применения правил совокупности преступлений в случае, когда по некоторым делам «тяжкое последствие» является пагубным последствием другого преступления (ПКС № 24/2019, §132).

2.3.2. Спорная синтагма «общественным интересам либо», содержащаяся в ч. (1) статьи 329 Уголовного кодекса

Конституционный суд напомнил, что ранее он признал неконституционной синтагму «общественным интересам» в статьях 327 ч. (1) и 328 ч. (1) Уголовного кодекса (см. ПКС № 22 от 27 июня 2017 года и ПКС № 33 от 7 декабря 2017 года) (ПКС № 24/2019¹¹, §133).

Конституционный суд отметил, что понятие «общественный интерес» отражено, среди прочего, в ст. 3 Закона № 82 от 25 мая 2017 года о неподкупности (общие интересы по развитию благосостояния общества в целом и по достижению законных частных интересов, гарантированная реализация которых обеспечивается функционированием публичных и частных субъектов, а также исполнением публичными агентами данных субъектов своих служебных полномочий в строгом соответствии с законоположениями, при эффективном и экономном использовании ресурсов), в ст. 2 Закона № 16 от 15 февраля 2008 года о конфликте интересов (всеобщая заинтересованность в том, чтобы лица, занимающие государственные должности, принимали при выполнении своих служебных обязанностей беспристрастные и законные решения), а также в Административном кодексе. Однако Уголовный кодекс не содержит подобного определения (ПКС № 24/2019, §134).

Конституционный суд заключил, что уголовное законодательство не предусматривает четких и предсказуемых критериев для оценки конкретных последствий действий лица на такую абстрактную ценность, каковой является «общественный интерес» (ПКС № 33 от 7 декабря 2017 года, § 108) (ПКС № 24/2019, §135).

В связи с этим, Конституционный суд сослался на практику Европейского суда в деле Лийвик против Эстонии, 25 июня 2009 года, §§ 100-101, в котором отмечалось, что используемые внутренними судебными инстанциями критерии для определения «значительного ущерба государственным интересам», нанесенного заявителем, и несовместимости действий с «общими интересами справедливости» были слишком расплывчаты. Европейский суд не был убежден в том, что лицо могло разумно предусмотреть риск быть обвиненным и осужденным за действия, которые нанесли значительный ущерб государственным интересам, поскольку уголовная норма использует широкие понятия и расплывчатые критерии (ПКС № 24/2019, §136).

Учитывая абстрактный характер оспариваемой синтагмы, Конституционный суд заключил, что текст «общественный интерес» в статье 329 Уголовного кодекса может вызывать расширительное толкование не в пользу виновного. Расширительное толкование не в пользу лица составляет нарушение принципа законности вменения в вину и законности наказания (ПКС № 24/2019, §137).

В отсутствие четких критериев, установленных в уголовном законе, квалификация пагубных последствий преступления служебной халатности на «общественный интерес» осуществляется по усмотрению лиц, применяющих уголовное законодательство, а виновный оказывается в ситуации правовой неопределенности. Так, Конституционный суд отметил, что

¹¹ Постановление № 24 от 17.10.2019 года о контроле конституционности некоторых положений статей 189 ч. (3) п. ф), 307 ч. (2) п. с), 327 ч. (2) п. с), 329 ч. (1) и ч. (2) п. б) и статьи 335 ч. (1¹) Уголовного кодекса

решение и суждения, изложенные в Постановлениях № 22 от 27 июня 2017 года и № 33 от 7 декабря 2017 года, применимы, *mutatis mutandis*, и в настоящем деле (ПКС № 24/2019, §138).

Конституционный суд отметил, что признание неконституционной синтагмы «общественным интересам либо» в статье 329 ч. (1) Уголовного кодекса не ограничивает область применения этой статьи. В связи с этим, Конституционный суд посчитал, что оставшееся законодательное положение [причинение ущерба в крупных размерах правам и охраняемым законом интересам физических или юридических лиц] предоставляет защиту всем возможным жертвам деяния служебной халатности, учитывая тот факт, что юридические лица могут быть как публичного, так и частного права (см. статью 173 Гражданского кодекса). Из этого обоснованно следует, что возможный материальный ущерб, причиненный общественным интересам, может быть отнесен к категории ущерба, нанесенного правам и охраняемым законом интересам юридических лиц публичного права (ПКС № 24/2019, §143).

2.3.3. Прерогатива судебного исполнителя в исполнительном производстве

Согласно ст. 61 ч. (1) Исполнительного кодекса, судебный исполнитель вправе отказать в возбуждении исполнительного производства, если: а) документ не относится к его компетенции; б) истек срок предъявления документа к исполнению; с) документ не соответствует требованиям статьи 14 настоящего кодекса; d) документ предъявлен лицом, не имеющим соответствующих полномочий, установленных в соответствии с законодательством; е) не истек срок добровольного исполнения, предусмотренный законом или указанный в исполнительном документе; f) документ исполнен (ПКС № 22/2019¹², §40).

Конституционный суд обратил внимание, что, согласно ст. 60 ч.(4) Кодекса, определение о возбуждении исполнительного производства, которое вынесено судебным исполнителем в нарушение своей компетенции, не подпадает под судебный контроль (ПКС № 22/2019, §44).

Наряду с этим, и ст. 32 ч. (1) п. b) Кодекса предусматривает в категорической форме, что исполнительный документ передается судебным исполнителем по собственной инициативе или по заявлению взыскателя другому судебному исполнителю, если исполнительный документ был принят с нарушением территориальной компетенции (ПКС № 22/2019, §45).

Таким образом, поскольку судебный исполнитель обязан передавать исполнительный документ, полученный в нарушение территориальной компетенции, то и при получении документа он не может возбудить по своему усмотрению исполнительное производство. Он обязан отказать в возбуждении исполнительного производства, если исполнение документа не входит в его ведение (ПКС № 22/2019, §46).

В противном случае возбуждение исполнительного производства при преднамеренном нарушении компетенции свидетельствует о превышении полномочий, тем самым судебный исполнитель действует *ultra vires* (ПКС № 22/2019, §47).

Учитывая вышеизложенное, в особенности тот факт, что восстановление пропущенного срока для предъявления исполнительного документа к исполнению относится к исключительной компетенции судебной инстанции, Конституционный суд не усмотрел ни одного разумного основания для вывода, что слово «вправе» обозначает дискреционное право судебного исполнителя отказывать в возбуждении исполнительного производства в случае «истечения срока предъявления документа к исполнению» (ПКС № 22/2019, §56).

И в этом случае Конституционный суд не увидел необходимости в наличии дискреционного права судебного исполнителя, тем более, что, в соответствии со ст. 60 ч. (4) Исполнительного кодекса, определение о возбуждении исполнительного производства на основании документа, не соответствующего положениям ст. 14 Кодекса, не подпадает под судебный контроль (ПКС № 22/2019, §61).

¹² Постановление № 22 от 08.10.2019 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений ст. 61 ч. (1) Исполнительного кодекса

Принимая во внимание значимость институтов добровольного и принудительного исполнения, Конституционный суд посчитал, что не существует никаких разумных оснований для возбуждения судебным исполнителем исполнительного производства по своему усмотрению до истечения срока добровольного исполнения исполнительного документа, установленного законом (ПКС № 22/2019, §70).

Изложенная в абсолютной форме, эта норма не оставляет места для дискреционного применения со стороны судебных исполнителей. В случае повторного исполнения уже исполненного документа нарушается право собственности должника. В поддержку данного аргумента служит и тот факт, что жалоба должника на определение о возбуждении исполнительного производства в отношении исполненного документа, как и в случаях, предусмотренных в п. б) и п. е), не приводит к приостановлению исполнительного производства, и принимаемые в отношении имущества должника меры могут быть продолжены до окончательного разрешения судом жалобы (ПКС № 22/2019, §71).

Тем не менее, поскольку слово «вправе» в ст. 61 ч. (1) Исполнительного кодекса двояко толкуется компетентными органами, некоторые из них считая, что оно обозначает дискреционное право судебного исполнителя отказывать либо возбуждать исполнительное производство, Конституционный суд заключил, что для обеспечения в отношении права собственности правовой определенности это слово следует признать неконституционным (ПКС № 22/2019, §72).

В поддержку своих заключений Конституционный суд привел ст. 60 ч. (3) Исполнительного кодекса, в соответствии с которой судебный исполнитель в 3-дневный срок со дня получения исполнительного документа выносит определение о возбуждении исполнительного производства. Таким образом, в распоряжении судебного исполнителя есть три дня, чтобы выяснить, выполнены ли все условия, предусмотренные законом, для того, чтобы привести в действие механизм принудительного исполнения (ПКС № 22/2019, §73).

В целях обеспечения правовой согласованности всех норм закона, синтагму «вправе отказать», чтобы обрести форму определенности, необходимо прочесть как «отказывает» (ПКС № 22/2019, §74).

2.4. Право на информацию

2.4.1. Доступ к сведениям, связанным с добровольным декларированием имущества

Положения ст. 16 ч. (9) Закона № 180 от 26 июля 2018 г. о добровольном декларировании и налоговом стимулировании запрещают доступ к сведениям, раскрывающим имя лица, его персональный идентификационный номер, серию и номер удостоверения личности, данные об имуществе и др. Конституционный суд отметил, что в этом смысле законодатель отдает абсолютный приоритет праву на уважение частной жизни, запрещая доступ к сведениям личного характера, в ущерб праву на доступ к информации, являющемуся составной частью более широкого права на свободу выражения (ПКС № 29/2019¹³, §46).

Суть рассматриваемого дела заключается в реализации двух основополагающих конкурирующих прав: права «субъектов, стоящих на страже» демократического общества, на доступ к сведениям, представляющим общественный интерес, и права субъектов добровольного декларирования на уважение частной жизни (ПКС № 29/2019, §47).

Оба эти права охраняются Конституцией, а именно ст. 34 и, соответственно, ст.28. Ни одно из этих прав не носит абсолютный характер. Каждое право может подвергаться ограничениям, к

¹³ Постановление № 29 от 12.12.2019 года об исключительном случае неконституционности ст. 16 ч. (9) Закона № 180 от 26 июля 2018 года о добровольном декларировании и налоговом стимулировании (доступ к сведениям, связанным с добровольным декларированием имущества)

примеру, для защиты прав других лиц, как предусматривает ст. 54 ч. (2) Конституции (ПКС № 29/2019, §48).

Экономическая деятельность субъектов налогового декларирования, которые в установленный законом срок не уведомили соответствующий орган о приобретенном имуществе, не может рассматриваться как вопрос частного характера и в абстрактном смысле не может быть исключен из сферы интересов общества. Также, не может существовать однозначного ответа относительно того, что разглашение имен отдельных субъектов добровольного декларирования нарушает право на уважение частной жизни. От обстоятельств каждого конкретного дела зависит вывод, к которому могут приходиться, с одной стороны, служащие, занимающие ответственные государственные должности, если к ним обращаются с запросом о предоставлении доступа к информации, и, с другой стороны, судьи, работающие в судах общей юрисдикции, в случае рассмотрения подобных дел (ПКС № 29/2019, §49).

С конституционной точки зрения, недостатки оспариваемых положений заключаются, во-первых, в отсутствии процедуры и четких критериев предоставления доступа к сведениям, касающихся субъектов добровольного декларирования, со стороны служащих Государственной налоговой службы. Во-вторых, они заключаются в отсутствии по закону возможности для судей, работающих в судах общей юрисдикции и сталкивающихся с конкретными делами об отказе Государственной налоговой службы в предоставлении доступа к такого рода сведениям, взвешивать и уравнивать эти два конкурирующие права, которые, в целом, заслуживают равного уважения, в зависимости от правовых и фактических обстоятельств каждого дела (ПКС № 29/2019, §50).

Конституционный суд признал неконституционной ст.16 ч. (9) Закона о добровольном декларировании и налоговом стимулировании, так как она устанавливает недопустимую по Конституции иерархию указанных прав (в интерпретации с учетом соответствующей практики ЕСПЧ). Оспариваемые положения не допускают наличия разумной соразмерности между этими двумя конкурирующими ценностями, не обеспечивают справедливое равновесие между правом на доступ к информации и правом на защиту частной жизни, следовательно, **ограничение не является необходимым в демократическом обществе.** Конституционный суд пришел к выводу, что ст. 16 ч. (9) Закона о добровольном декларировании и налоговом стимулировании устанавливает **чрезмерные ограничения относительно сведений, которыми располагает Государственная налоговая служба (ПКС № 29/2019, §51).**

Конституционный суд перечислил критерии, которые могут быть использованы при сравнительной оценке права доступа к сведениям, представляющим общественный интерес, и права на уважение частной жизни. Эти критерии не являются исчерпывающими, а служат лишь отправной точкой (ПКС № 29/2019, §52).

Критерии по оценке этих прав вытекают из множества дел, рассмотренных ЕСПЧ, в которых просматривается столкновение указанных прав, **а именно: вклад в обсуждение вопроса, представляющего общественный интерес; степень известности ущемленных лиц и предмет запрашиваемой информации; содержание, форма и последствия обнародования информации (ПКС № 29/2019, §53).**

Конституционный суд подчеркнул, что лица, занимающие ответственные должности в публичных органах, и судьи, работающие в судах общей юрисдикции, которые сталкиваются с такими делами, должны обеспечивать справедливое равновесие между свободой выражения и правом на уважение частной жизни в аспекте защиты персональных данных, используя при оценке указанных прав вышеизложенные критерии, которые, исходя из практики ЕСПЧ, не являются исчерпывающими (ПКС № 29/2019, §58).

2.5. Ограничение осуществления прав и свобод

2.5.1. Запрет на продажу табачных изделий вблизи образовательных и санитарно-медицинских учреждений

Расстояние, которое должно существовать между предприятиями, торгующими табачными изделиями, и образовательными и санитарно-медицинскими учреждениями, можно рассматривать как «буферную зону» (*buffer zone*). Плотность торговых предприятий, реализующих табачные изделия, способствует доступности этих изделий, а доступность, в свою очередь, вызывает привыкаемость к сигаретам. Кроме того, плотность торговых предприятий, реализующих табачные изделия вблизи образовательных учреждений, ассоциируется с высокой степенью распространения курения среди студентов (см. Wing C. Chan, Scott T. Leatherdale, Tobacco retailer density surrounding schools and youth smoking behaviour: a multi-level analysis, Tobacco Induced Diseases, т. 9, № 9, 2011 г., стр. 1 и 2) (ПКС № 9/2019¹⁴, §46).

Конституционный суд отметил, что основанием для установления законодателем «буферной зоны» между предприятиями, реализующими табачные изделия, и образовательными и медицинскими учреждениями послужили научные данные. Чтобы убедиться в том, что оспариваемая мера преследует правомерную цель, Конституционный суд воспользовался этими исследованиями. Значение проводимых в этой области исследований способствует формированию мнения о соблюдении законодателем принципа предосторожности, когда принял оспариваемую меру. В своей практике Верховный Суд Европейского Союза отметил, что «законодатель [...] должен соблюдать принцип предосторожности, если возникают сомнения относительно существования или масштаба каких-либо рисков для здоровья людей. Он позволяет принять меры защиты, не ожидая получения полных сведений о реальном и угрожающем характере этих рисков. Если неубедительный характер результатов исследований не позволяет доказать существование или масштаб риска, но сохраняется реальная опасность для общественного здоровья, принцип предосторожности оправдывает принятие ограничительных мер» (дела Swedish Match AB v. Secretary of State for Health, C-151/17, 22 ноября 2018 г., § 38; Giovanni Pesce и другие v. Presidenza del Consiglio dei Ministri и другие, C-78/16 и C-79/16, 9 июня 2016 г., § 47; Neptune Distribution SNC против Министерства экономики и финансов, C-157/14, 17 декабря 2015 г., §§ 81-82) (ПКС № 9/2019, §48).

Конституционный суд заключил, что оспариваемая мера, установленная законодателем, преследует две цели: охрану здоровья молодежи и охрану общественного здоровья. Эти две цели служат общей цели: защите прав, свобод и достоинства других лиц, предусмотренной ст. 54 ч. (2) Конституции (ПКС № 9/2019, §49).

Что касается наличия разумной связи между оспариваемой законной мерой и преследуемой правомерной целью, Конституционный суд отметил, что исследования выявили тот факт, что одна треть от числа молодых курящих людей Канады заявили, что они станут меньше курить, если путь до точки, где их можно будет приобрести, станет длиннее (см. Wing C. Chan и Scott T. Leatherdale, Tobacco retailer density surrounding schools and youth smoking behaviour: a multi-level analysis, указанное выше в § 46, стр. 5). Конституционный суд пришел к выводу, что существует разумная взаимосвязь между перемещением торговых предприятий, реализующих табачные изделия, на определенном расстоянии от образовательных учреждений и охраной здоровья лиц. Эта мера может способствовать сокращению числа курильщиков (ПКС № 9/2019, §50).

Конституционный суд отметил, что для совместного проживания в обществе охрана здоровья населения представляет повышенный интерес. В связи с этим, ограничения, установленные законодателем для защиты этого интереса, оправданы, даже если они затрагивают экономические интересы частных лиц. Тем не менее, является необходимым, чтобы указанная мера не стала произвольным дискриминационным средством по отношению к хозяйствующим субъектам в сфере торговли, как того требует конституционная обязанность государства по защите конкуренции (ПКС № 9/2019, §52).

¹⁴ Постановление № 9 от 08.04.2019 года о контроле конституционности ст. 25 ч. (6) Закона № 278 от 14 декабря 2007 года о контроле над табаком

Наряду с этим, Конституционный суд подчеркнул, что альтернативные меры не обеспечивают так же эффективно достижение преследуемой цели. Напротив, устранение «буферной зоны» между предприятиями, реализующими табачные изделия, и учреждениями, посещаемыми охраняемыми группами населения, нарушает последовательность мер по борьбе с курением. Кроме того, законодатель предоставил временным торговым предприятиям, реализующим табачные изделия, достаточное время для того, чтобы приспособиться к новым условиям (ПКС № 9/2019, §78).

Конституционный суд пришел к выводу, что запрет на продажу табачных изделий вблизи образовательных и санитарно-медицинских учреждений для временных торговых единиц не противоречит конституционным нормам о свободной конкуренции [ст. 9 ч. (3) и ст. 126 ч. (2) п. b)] и об ограничении осуществления некоторых прав или свобод [ст. 54] (ПКС № 9/2019, §79).

3. Публичные власти

3.1. Инвеститура Правительства

3.1.1. Определение кандидатуры на должность Премьер-министра

Что касается конституционной обязанности Президента начать консультации с парламентскими фракциями для определения кандидатуры на должность Премьер-министра, Конституционный суд подчеркнул, что данная обязанность вытекает из ст. 98 Конституции, которая имеет четкие положения (ПКС № 12/2019¹⁵, §12).

Конституционный суд подчеркнул, что для выдвижения кандидатуры на должность Премьер-министра в парламентском политическом режиме Президент Республики Молдова должен, во-первых, сотрудничать, имея в качестве партнера по институциональному диалогу Председателя Парламента, как представителя Парламента (см. ПКС № 33 от 21 декабря 2018 года, §§ 31 и 36). Эти положения содержатся в Регламенте Парламента, на который указывает ст. 64 ч. (1) Конституции. Во-вторых, должны быть избраны органы, созывающие Парламент на заседания, то есть Постоянное бюро и Председатель Парламента. Согласно ст. 13 ч. (1) п. а) Регламента, Постоянное бюро Парламента предлагает Парламенту дату созыва пленарных заседаний, а согласно ст. 14 ч. (1) п. b) Регламента, Председатель Парламента созывает очередные, внеочередные или специальные сессии Парламента. Так, Конституционный суд выявил две конституционные обязанности: Президент Республики Молдова обязан проводить консультации с парламентскими фракциями, чтобы предложить кандидатуру на должность Премьер-министра, а члены Парламента обязаны избрать руководящие органы Парламента, в том числе для полной реализации процесса назначения кандидата на должность Премьер-министра (ПКС № 12/2019, §15).

Отсутствие органа, представляющего Парламент, а также отсутствие органов, созывающих сессии Парламента, являются препятствием в выдвижении Президентом Республики Молдова кандидатуры на должность Премьер-министра. [...] Президент Республики Молдова может выдвигать кандидатуру на должность Премьер-министра в условиях, когда Парламент представлен и его руководящие органы избраны. Если созыв пленарного заседания депутатов для рассмотрения вопроса о назначении Правительства не осуществим, это равнозначно отклонению предложения о назначении (ПКС № 12/2019, §16).

Конституционный суд отметил, что синтагму «предложения не менее двух раз» в части (2) ст. 85 Конституции необходимо толковать в свете ст. 98 ч. (2) и ч. (3) Конституции, с учетом рассуждений, изложенных в Постановлении № 32 от 29 декабря 2015 года (ПКС № 12/2019, §18).

Таким образом, в ходе консультаций с парламентскими фракциями на первый план выдвигается личность кандидата на должность Премьер-министра. В отличие от этапа консультаций с парламентскими фракциями, в парламентских дебатах происходит смещение

¹⁵ Постановление № 12 от 15.05.2019 года о толковании положений ст. 98 в сочетании со ст. 64 и ст. 85 Конституции

акцента от личности кандидата в Премьеры. Личность кандидата и его качества обсуждались в ходе консультаций, и этот вопрос считается исчерпанным в условиях, когда кандидатуру выдвигают фракции, составляющие парламентское большинство, или когда предложение исходит от Президента Республики Молдова, если не существует парламентского большинства (в силу политического бездействия парламентских фракций). В ходе обсуждений в Парламенте приоритетными становятся программа деятельности Правительства и будущий состав Правительства (ПКС № 12/2019, §20).

Как правило, отклонение Парламентом предложения о назначении не означает отклонение лично кандидата, а отклонение программы деятельности Правительства и его состава, которые были представлены Парламенту на обсуждение. Вероятность повторного выдвижения означает, что кандидату дали еще один шанс внести изменения в программу деятельности или в состав Правительства, нацеливаясь на выражение ему вотума доверия, согласно требованию ст. 98 ч.(2) Конституции. Кандидат может частично изменить программу деятельности или состав Правительства, исходя из обсуждений на заседании Парламента, на котором было отклонено первое предложение о назначении, и тем самым учитывать мнение парламентского большинства (ПКС № 12/2019, §21).

На практике в ходе консультаций могут возникать непредсказуемые ситуации, связанные с личностью кандидата. Если отклонение предложения о назначении, в качестве исключения, обусловлено только личностью кандидата, Президент может выдвигать другого кандидата, однако только после новых консультаций с парламентскими фракциями, соблюдая требования, вытекающие из Постановления Конституционного суда № 32 от 29 декабря 2015 года (ПКС №12/2019, §22).

Таким образом, после проведения консультаций с парламентскими фракциями Президент Республики Молдова может выдвигать другую кандидатуру на должность Премьер-министра, если первое предложение о назначении Правительства было отклонено Парламентом (см. также ПКС № 30 от 1 октября 2013 г., § 66) (ПКС № 12/2019, §23).

3.2. Принятие на себя ответственности Правительством

3.2.1. Процедура возложения Правительством на себя ответственности

Согласно ст. 6 Конституции, законодательная, исполнительная и судебная власти разделены и взаимодействуют при осуществлении своих прерогатив в соответствии с положениями Конституции. Конституционный суд отметил, что принцип разделения государственной власти призван создавать такую систему правления, которая обеспечивала бы равновесие между ветвями государственной власти, а также предотвращала и исключала злоупотребления со стороны какой-либо из властей (ПКС № 25/2019¹⁶, §42).

Таким образом, в демократической системе по применению принципа разделения трех ветвей государственной власти важное значение имеет взаимодействие властей и исполнение полномочий в пределах, установленных Конституцией (ПКС № 25/2019, §44).

Конституционный суд отметил, что принятие ответственности Правительством является особой парламентской процедурой, в рамках которой Правительство, чтобы справиться с определенными трудностями, которые требуют срочных мер, относящихся к ведению Парламента, издает законопроект в максимально короткие сроки (ПКС № 25/2019, §46).

Конституционный суд отметил, что такой способ принятия закона носит исключительный и упрощенный характер, к нему прибегают в экстренных случаях, когда законопроект не может быть принят в обычном или срочном порядке. Такая процедура является приемлемой, когда Правительство желает продвигать в срочном порядке закон,

¹⁶ Постановление № 25 от 29.10.2019 года о контроле конституционности Закона № 17 от 15 февраля 2019 года о внесении изменения в статью 1 Закона о зоне свободного предпринимательства «Bălți» № 26/2010 (принятие на себя ответственности Правительством)

имеющий важное жизненное значение для реализации своей программы деятельности, получившей вотум доверия при назначении (ПКС № 25/2019, §48).

Конституционный суд подчеркнул, что издание закона Правительством путем возложения на себя ответственности – это не только мера, которая заменяет собой правила законодательной процедуры, но и быстрый способ, вызванный чрезвычайными обстоятельствами, принять закон при соблюдении определенных требований (ПКС № 25/2019, §50).

По этому вопросу Конституционный суд отметил, что **положения ст.106¹ Конституции не позволяют толкование в том смысле, что Правительство может заменить Парламент в любой момент и при любых обстоятельствах.** Так, Конституционный суд подчеркнул, что хотя на первый взгляд принятие на себя ответственности не подвергается каким-либо условиям, и целесообразность и содержание инициативы теоретически остаются исключительно на усмотрение Правительства, это право не может иметь абсолютного характера (ПКС № 11 от 13 мая 2015 г., §§ 52-53) (ПКС № 25/2019, §51).

Конституционный суд пришел к выводу, что Правительство, приняв на себя ответственность за указанный законопроект, не продемонстрировало, что существовала реальная и настоятельная необходимость в том, чтобы исключить из зоны свободного предпринимательства «Bălți» земельный участок площадью 2,238 га, кадастровый номер 0100212178, по ул. Спрынченоая № 1 муниципия Кишинэу, а также расположенные на нем строения с кадастровыми номерами 010021217801–010021217806 и 010021217819, Правительство не представило веских аргументов в пользу принятия в срочном порядке этих положений и не доказало, что незамедлительное приведение их в действие является объективно необходимым (ПКС № 25/2019, §59).

Конституционный суд напомнил, что отступление Правительства от указанных принципов и требований при принятии на себя ответственности влечет за собой нарушение конституционных норм (ПКС № 11 от 13 мая 2015 г., § 58), в этом случае были нарушены положения ст. 6 и ст. 106¹ Конституции (ПКС № 25/2019, §60).

Наряду с этим, Конституционный суд подчеркнул, что Правительство обязано уведомлять Парламент о своем намерении возложить на себя ответственность за проект закона в условиях ст.106¹ Конституции (ПКС № 25/2019, §61).

В предыдущих решениях Конституционный суд подчеркнул, что политические дебаты по поводу отставки Правительства путем отзыва выраженного ему доверия возможно только в условиях, предусмотренных статьей 106¹ Конституции, в пленарном заседании Парламента. Следовательно, **внесение в Секретариат Парламента постановления Правительства о принятии на себя ответственности с прилагаемыми материалами, без представления в пленарном заседании этого политического акта, не соответствует конституционным нормам о принятии на себя ответственности «перед» Парламентом.** В противном случае, подобное обсуждение становится невозможным, поскольку, согласно части (4) статьи 37 Регламента Парламента, созыв Парламента на внеочередную или специальную сессию осуществляется в течение трех дней со дня регистрации заявления, если законом не предусмотрено иное. Исходя из этих соображений, **за пределами парламентских сессий процедура принятия на себя ответственности Правительством обусловлена созывом внеочередной или специальной сессии, а 3-дневный срок для подачи резолюции о выражении вотума недоверия начинается с момента представления в пленарном заседании Парламента проекта закона, по которому Правительство приняло на себя ответственность** (ПКС № 28 от 22 декабря 2011 г., §§ 56-57) (ПКС № 25/2019, §62).

Таким образом, согласно выводам Конституционного суда, процедура возложения на себя ответственности за проект закона влечет за собой сохранение полномочий Правительства либо отстранение его Парламентом путем выражения ему вотума недоверия, осуществляемого в условиях ст. 106¹ Конституции только перед Парламентом (ПКС № 25/2019, §64).

Конституционный суд отметил, что Закон № 17 о внесении изменения в статью 1 Закона о зоне свободного предпринимательства «Bălți» № 26/2010 был принят Правительством при возложении на себя ответственности и как следует из информации, размещенной на официальной странице Парламента, при фактическом отсутствии представителя Правительства на пленарном заседании Парламента, что привело к невозможности внесения резолюции о выражении вотума недоверия и публичного обсуждения вопроса о сохранении или отзыве доверия, полученного Правительством при назначении (ПКС № 25/2019, §65).

При этих обстоятельствах, Конституционный суд посчитал, что Правительство, действуя подобным образом при возложении на себя ответственности за проект закона, реально лишило Парламент, в качестве высшего представительного органа народа Республики Молдова и единственной законодательной власти государства, права осуществления контроля за предпринятыми исключительными законодательными мерами (ПКС № 25/2019, §66).

Конституционный суд заключил что Закон № 17 о внесении изменения в статью 1 Закона о зоне свободного предпринимательства «Bălți» № 26/2010 был издан Правительством при применении процедуры принятия на себя ответственности в разрез с положениями ст.6 и ст. 106¹ Конституции (ПКС № 25/2019, §67).

Вместе с тем, Конституционный суд отметил, что одновременно с Постановлением № 28 от 22 декабря 2011 года, признающим неконституционным Закон № 184 от 27 августа 2011 о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты на основании нарушения процедуры его принятия, **Конституционный суд внес в Парламент представление, в котором указал, что процедура принятия Правительством ответственности перед Парламентом, предусмотренная ст. 106¹ Конституции, недостаточно детализирована в ст. 119 Регламента Парламента.** Конституционный суд указал на то, что необходимо изменить и дополнить Регламент Парламента в соответствии с поправками, внесенными в Конституцию Законом №1115-XV от 5 июля 2000 года, и четко регулировать процедуру принятия ответственности Правительством перед Парламентом и процедуру законодательного делегирования (ПКС № 25/2019, §68).

До настоящего времени представление Конституционного суда от 22 декабря 2011 года не было исполнено, в связи с чем Конституционный суд напомнил Парламенту о необходимости разрешения изложенных в нем вопросов (ПКС № 25/2019, §69).

4. Национальная экономика и публичные финансы

4.1. Национальный публичный бюджет

4.1.1. Размещение магазинов *duty-free*

Для проверки соблюдения Парламентом процедуры, предусмотренной ст. 131 ч. (4) Конституции, Конституционный суд должен был выяснить: (1) если законодательное предложение или поправка повлекли за собой увеличение или сокращение бюджетных доходов или займов, а также увеличение или сокращение бюджетных расходов, и (2) если законодательное предложение или поправка, принятые Парламентом, были предварительно одобрены Правительством (ПКС № 23/2019¹⁷, §55).

Конституционный суд отметил, что законодатель оспариваемыми положениями Закона № 288 от 25 декабря 2017 года расширил беспошлинный таможенный режим, охватив бары и рестораны, которые могут учреждаться для деятельности на борту судов [ст. 95¹ ч. (1²) Таможенного кодекса]. Кроме того, оспариваемыми положениями законодатель установил, что магазины *duty-free* могут размещаться в международных портах, а также на борту судов. Это означает, что количество магазинов *duty-free* будет расти, к ним следует добавить и бары и

¹⁷ Постановление № 23 от 10.10.2019 года о контроле конституционности некоторых положений Закона № 172 от 27 июля 2018 года о внесении изменений в некоторые законодательные акты и Закона № 288 от 15 декабря 2017 года о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты

рестораны, в которых продажа товаров будет осуществляться без уплаты ввозных платежей [ст. 93 ч.(2) Таможенного кодекса]. Освобождение от взимания ввозных платежей предполагает освобождение от уплаты в государственный бюджет пошлин за импорт товаров [ст.1 п. 26) Таможенного кодекса] (ПКС № 23/2019, §58).

Невзирая на отрицательный отзыв Правительства, ст. 95¹ ч. (1³) Таможенного кодекса 27 июля 2018 года была поставлена на голосование во втором чтении и была принята Парламентом. В этом контексте, Конституционный суд напомнил, что несоблюдение заключения Правительства является нарушением законодательной процедуры, установленной Конституцией в бюджетной сфере (ПКС № 11 от 25 марта 2014 года, §42) (ПКС № 23/2019, §61).

Так, в ряде предыдущих постановлений (ПКС № 2 от 28 января 2014 г., §§ 50-78, ПКС № 11 от 25 марта 2014 г., §§ 49-72, и ПКС № 6 от 13 февраля 2014 г., §§ 55-75) Конституционный суд подчеркнул, что в случае вынесения заключения Правительства после принятия законопроекта Парламентом нарушается ст. 131 ч. (4) Конституции. В этой связи, **Конституционный суд отметил, что согласие Правительства должно предшествовать принятию в окончательном чтении законопроектов, влияющих на бюджет** (ПКС №23/2019, §62).

Конституционный суд подчеркнул, что в рассматриваемом случае Правительство дало четкое заключение, твердо отметив, что «не поддерживает предложения о дополнении ст. 95¹ Таможенного кодекса Республики Молдова № 1149/2000» (Постановление № 768 от 25 июня 2018 года) (ПКС № 23/2019, §65).

Конституционный суд пришел к выводу, что, игнорируя заключение Правительства при принятии положений ст. 95¹ ч. (1³) Таможенного кодекса, законодатель нарушил процедуру, предусмотренную ст.131 ч. (4) Конституции. Кроме того, он нарушил и ст. 6 Конституции, которая обязывает государственные органы осуществлять свои полномочия в пределах конституционных норм, без вмешательства в полномочия других органов, при этом законодатель обязан учитывать точку зрения Правительства, когда этого требует Конституция (ПКС № 23/2019, §66).

Конституционный суд отметил, что оспариваемые положения касаются двух аспектов: (i) возможности размещения магазинов *duty-free* в международных портах и на борту судов; (ii) баров и ресторанов *duty-free* (ПКС № 23/2019, §68).

Касательно оспариваемых положений, предусматривающих деятельность баров и ресторанов *duty-free*, Конституционный суд отметил, что эти положения были включены в законопроект Комиссией по экономическим, бюджетным и финансовым вопросам по истечении десяти дней со дня вынесения заключения Правительства по сформулированным депутатами поправкам. Более того, Парламент не истребовал заключения Правительства, а у Правительства якобы не было достаточного времени для изложения точки зрения по поправкам Комиссии, так как в тот же день законопроект был принят Парламентом (ПКС № 23/2019, §73).

Конституционный суд отметил, что при принятии положений о размещении магазинов *duty-free* в международных портах и на борту судов Парламент проигнорировал заключение Правительства, изложенное в Постановлении № 1040 от 5 декабря 2017 года. Что касается положений, предусматривающих деятельность баров и ресторанов *duty-free*, заключение Правительства вообще отсутствует, о внесении этих изменений даже и не удосужились проинформировать исполнительный орган (ПКС № 23/2019, §75).

Конституционный суд напомнил, что предварительное согласие Правительства на внесение поправок или законодательных предложений, влекущих за собой увеличение или сокращение расходов, доходов или займов, является императивным требованием, от которого законодатель не может отступать в процессе принятия национального публичного бюджета (см. ПКС № 11 от 25 марта 2014 года, § 42). Конституционный суд подчеркнул, что это требование применяется при принятии всех законодательных актов, предполагающих увеличение или сокращение бюджетных расходов и доходов, или займов (ПКС № 23/2019, §76).

Конституционный суд пришел к выводу, что, поскольку отсутствует заключение Правительства, оспариваемые положения Закона № 288 от 15 декабря 2017 года были приняты при нарушении процедуры, предусмотренной ст. 131 ч. (4) Конституции. Принимая во внимание этот факт, Конституционный суд заключил, что была нарушена и ст. 6 Конституции, которая обязывает государственные органы осуществлять свои полномочия в пределах, установленных Конституцией, без вмешательства в полномочия других органов (ПКС №23/2019, §77).

5. Судопроизводство Конституционного суда, начиная с июня 2019 года

Определением № 83 от 7 июня 2019 года Конституционный суд признал неприемлемым обращение Президента Республики Молдова, отметив, что вопрос, поставленный перед судом, в связи с положениями ст. 85 ч. (1) в сочетании со ст. 63 ч. (2) и ч.(3), ст. 69 ч. (2) и ст. 103 Конституции, исходит из самого текста Конституции и предыдущего толкования указанных конституционных положений.

В Постановлении № 13 от 8 июня 2019 года Конституционный суд отметил, что, поскольку трехмесячный срок для роспуска Парламента, установленный в ч. (1) статьи 85 Конституции, является предельным (упущенным) сроком, по его истечении Парламент не может более продолжать свою деятельность, даже для принятия ординарных законов, в отличие от случая с Парламентом с истекшим мандатом. Конституционный суд подчеркнул также, что в случае возникновения обстоятельств роспуска Парламента в порядке статьи 85 ч. (1) Конституции Президент страны обязан незамедлительно обратиться в Конституционный суд для установления обстоятельств роспуска с последующим принятием указа о роспуске Парламента и назначении даты досрочных парламентских выборов.

Приняв Постановление № 14 от 08.06.2014 года, Конституционный суд признал *ab initio* неконституционными законодательные акты (законы, постановления), принятые депутатами Парламента Республики Молдова X созыва 8 июня 2019 года и впоследствии.

В результате вынесения Заключения № 1 от 9 июня 2019 года Конституционный суд признал обстоятельством, оправдывающим временное исполнение обязанностей Президента Республики Молдова в рамках процедуры роспуска Парламента, преднамеренный отказ Президента осуществлять свои конституционные полномочия и представлять в Конституционный суд запрос о констатации обстоятельств, оправдывающих роспуск Парламента X-го созыва, с последующим изданием указа о роспуске Парламента и назначении даты досрочных парламентских выборов, что, по смыслу ст. 91 Конституции, свидетельствует о временной невозможности исполнения данных полномочий, и указал на то, что согласно установленной последовательности действующий Премьер-министр, г. Павел Филип, в качестве временно исполняющего обязанности Президента Республики Молдова, исполнит эти конституционные обязанности.

Конституционный суд в Постановлении № 15 от 08.06.2019 года подчеркнул, что игнорирование Президентом Республики Молдова своей конституционной обязанности по роспуску неработающего Парламента и издание указов в обход этой обязанности придают этим указам неконституционный характер.

По обращению временно исполняющего обязанности Президента Республики Молдова, 9 июня 2019 года Конституционный суд вынес Заключение № 2, которым признал как обстоятельство, оправдывающее роспуск Парламента Республики Молдова X-го созыва, невозможность формирования Правительства в срок, установленный ст. 85 ч. (1) Конституции.

В существующей на тот момент в Республике Молдова социально-политической обстановке (отставка и переход власти от Правительства Павла Филип к Правительству Майи Санду), Конституционный суд поставил на чашу весов требования, изложенные в решениях от 7-9 июня 2019 года, и общественные интересы гражданского мира и эффективной защиты прав

человека, ценности, защищаемые преамбулой Конституции Республики Молдова, и, приняв Постановление № 16 от 2019 года, пересмотрел и отменил вышеуказанные акты.

Судьи Конституционного суда 26 июня 2019 года подали в отставку в полном составе. Деятельность Конституционного суда возобновилась 16 августа 2019 года, когда судьи нынешнего состава Конституционного суда вступили в должность.

В. Выводы Конституционного суда

1. Положения, признанные конституционными

Конституционный суд признал конституционными:

- слова:
 - «матери» в статье 4 ч. (4) п. m) Закона № 1585 от 27 февраля 1998 года об обязательном медицинском страховании; и
 - «матерям» в пункте 34 пп. 2 лит. f) Положения о предоставлении/приостановлении статуса застрахованного лица в системе обязательного медицинского страхования, утвержденного Постановлением Правительства № 1246 от 19 декабря 2018 года, в той мере, в которой обязательное медицинское страхование предоставляется обоим родителям четырех и более детей на равной основе (ПКС № 3/2019);
- ст. 25 ч. (6) Закона № 278 от 14 декабря 2007 года о контроле над табаком (ПКС № 9/2019);
- слово «женщинами» во втором предложении статьи 5 Закона № 188 от 10 июля 2008 года об амнистии в связи с провозглашением 2008 года Годом молодежи (ПКС № 10/2019);
- положения «за ребенком с тяжелым ограничением возможностей в возрасте до 18 лет» в ст. 5 ч.(2) п. d) Закона № 156 от 14 октября 1998 о государственной пенсионной системе, в той мере, в какой к страховому стажу приравнивается период ухода за лицом с тяжелыми ограниченными возможностями, независимо от его возраста, со стороны одного из родителей, опекуна, попечителя до приема на работу в качестве персонального ассистента (ПКС № 19/2019);
- предложение «не подлежат приостановлению акты Национального банка, принятые в процессе оценки и надзора за качеством акционеров субъектов, находящихся под надзором Национального банка» в ч. (8) статьи 214 Административного кодекса, принятого Законом № 116 от 19 июля 2018 года (ПКС № 20/2019);
- положения четвертой позиции (код должности A1034) в разделе «Другие ответственные государственные должности центрального уровня» в Таблице 1 Приложения № 3 к Закону № 270 от 23 ноября 2018 года о единой системе оплаты труда в бюджетной сфере, в той мере, в какой они применяются и к членам Высшего совета магистратуры, избранным из числа штатных преподавателей права (ПКС № 21/2019).

2. Положения, признанные неконституционными

Конституционный суд признал неконституционными:

- часть (2) статьи 265 Уголовно-процессуального кодекса (ПКС № 6/2019);

- синтагму «не подлежащее обжалованию» во втором предложении ст.353 ч. (1) Гражданского процессуального кодекса Республики Молдова (ПКС № 7/2019);
- - второе предложение «исполнительные акты, составленные судебным исполнителем, не могут быть обжалованы, если с момента их составления прошло более 6 месяцев» в ч. (1) ст. 161 Исполнительного кодекса;
- - текст «со дня совершения действия или отказа совершить определенные действия» в ч. (1) ст. 162 Исполнительного кодекса;
- - второе предложение «срок обжалования не может быть восстановлен лицом, если со дня вынесения или отказа в вынесении решения по обжалуемому акту прошло более 6 месяцев» в ч. (2) ст. 162 Исполнительного кодекса (ПКС №8/2019);
- слово «вправе» в ст. 61 ч. (1) Исполнительного кодекса, утвержденного Законом №443 от 24 декабря 2004 года (ПКС № 22/2019);
- следующие положения Таможенного кодекса, утвержденного Законом № 1149 от 20 июля 2000 года, в редакции Закона № 288 от 15 декабря 2017 года:
 - слова «в портах», «и судов» в части (1) статьи 93;
 - слова «бар и ресторан», в различной грамматической форме, в пункте 22 и пункте 32 статьи 1, в названии главы 14, в названиях статьи 94, статьи 95 и статьи 95¹, в части (2) и части (3) статьи 93, в части (1), части (3) и части (4) статьи 94, в части (1) и части (2) статьи 95, в пункте d) части (3), в части (4), части (6) и части (9) статьи 95¹, в статье 96 и в пункте f) части (1) статьи 185;
 - часть (1¹) и текст «а также лицам, находящимся за рубежом, – в случае судов» в части (3) статьи 93;
 - часть (1²), часть (1³) и пункт f) в части (3) и текст «а также на деятельность баров и ресторанов *duty free* на борту судов – на реализацию готовых пищевых продуктов с их потреблением на месте, продажу напитков с их потреблением на месте, с развлекательной программой или без таковой» в части (3¹) статьи 95¹ (ПКС №23/2019);
- - синтагму «повлекшие иные тяжкие последствия» в п. f) ч. (3) статьи 189 Уголовного кодекса;
- - синтагму «повлекшее тяжкие последствия» в п. c) ч. (2) статьи 307 и в п. c) ч. (2) статьи 327 Уголовного кодекса;
- - синтагму «общественным интересам либо» в ч. (1) статьи 329 Уголовного кодекса;
- - синтагму «иные тяжкие последствия» в п. b) ч. (2) статьи 329 Уголовного кодекса;
- - предложение «действия, предусмотренные частью (1), повлекшие тяжкие последствия» в ч. (1¹) статьи 335 Уголовного кодекса (ПКС № 24/2019);
- Закон № 17 от 15 февраля 2019 года о внесении изменения в статью 1 Закона о зоне свободного предпринимательства «Bălți» № 26/2010, который был принят Правительством путем возложения на себя ответственности (ПКС № 25/2019);
- часть (1) статьи 37 Закона № 317 от 13 декабря 1994 года о Конституционном суде, часть (1) статьи 27 Закона № 789 от 26 марта 1996 года о Высшей судебной палате и часть (1) статьи 22 Закона № 514 от 6 июля 1995 года о судостроительстве. Конституционный суд оставил в силе положения ч. (1) статьи 37 Закона № 317 от 13 декабря 1994 года о Конституционном суде в следующей редакции: «Конституционный суд имеет свой бюджет, который включается в государственный бюджет». Конституционный суд оставил в силе и первое предложение части (1) статьи 22 Закона № 514 от 6 июля 1995 года о судостроительстве в следующей редакции: «Финансовые средства, необходимые для надлежащего функционирования судебных

инстанций, утверждаются Парламентом по предложению Высшего совета магистратуры и включаются в государственный бюджет» (ПКС № 27/2019);

- ст. 16 ч. (9) Закона № 180 от 26 июля 2018 года о добровольном декларировании и налоговом стимулировании (ПКС № 29/2019).

3. Толкование конституционных норм

Конституционный суд дал толкование некоторых конституционных норм:

I. В Постановлении № 11/2019 Конституционный суд установил:

1. Парламент может изменить избирательную систему в более короткие промежутки времени, чем срок полномочий одного созыва. Введение новой системы невозможно на досрочных парламентских выборах, а лишь на очередных парламентских выборах, при условии, что изменение внесено не позднее, чем за год до выборов.

2. Частое или позднее изменение положений об избирательном процессе может быть неблагоприятным для избирателей, конкурентов на выборах и партий, и сопряжено с риском нарушения права избирать и права быть избранным.

Примечание: на момент утверждения настоящего доклада в производстве Конституционного суда находится обращение группы депутатов № 180b/2019 о толковании ст. 72 ч. (3) п. а) Конституции.

II. 1. Президент Республики Молдова не может выдвигать кандидатуру на должность Премьер-министра, если не сформированы руководящие органы Парламента. Если Парламент ввиду отсутствия созывающего его органа не может заседать, это означает, что Президент Республики Молдова не может выдвигать кандидатуру на должность Премьер-министра.

2. Отсутствие депутатов Парламента на пленарном заседании по рассмотрению вопроса о назначении Правительства в условиях, когда сформированы руководящие органы законодательного органа, равнозначно отклонению предложения о назначении.

3. Синтагма «предложения не менее двух раз» в ст. 85 ч. (2) Конституции не предполагает в обязательном порядке выдвижение одной и той же кандидатуры (ПКС № 12/2019).

4. Признание результатов выборов Парламента

Конституционный суд признал результаты выборов Парламента от 24 февраля 2019 года.

Так, Конституционный суд:

- подтвердил результаты выборов Парламента X-го созыва от 24 февраля 2019 года по общенациональному округу;

- подтвердил результаты выборов Парламента X-го созыва от 24 февраля 2019 года по одномандатным округам: № 1, г. Бриченъ; № 2, г. Окница; № 3, мун. Единец; № 4, г. Рышкань; № 5, г. Глодень; № 6, г. Дрокия; № 7, мун. Сорока; № 8, г. Флорешть; № 9, мун. Бэлць; № 10, мун. Бэлць; № 11, г. Фэлешть; № 12, г. Сынжерей; № 13, г. Резина; № 14, г. Теленешть; № 15, г. Кэлэраш; № 16, мун. Унгень; № 17, г. Ниспорень; № 18, мун. Орхей; № 19, ком. Иванча; № 20, мун. Стрэшень; № 21, г. Криулень; № 22, г. Яловень; № 23, мун. Кишинэу; № 24, мун. Кишинэу; № 25, мун. Кишинэу; № 26, мун. Кишинэу; № 27, мун. Кишинэу; № 28, мун. Кишинэу; № 29,

мун.Кишинэу; № 30, мун. Кишинэу; № 31, мун. Кишинэу; № 32, мун.Кишинэу; № 33, мун. Кишинэу; № 34, г. Анений Ной; № 35, г.Кэушень; № 36, г. Штефан Водэ; № 37, ком. Рэзень; № 38, мун.Хынчешть; № 39, ком. Сэрата Галбенэ; № 40, г. Чимишлия; № 41, г. Леова; № 42, г. Кантемир; № 43, мун. Кахул; № 44, г. Тараклия; №45, мун. Комрат; № 46, г. Чадыр-Лунга; № 47, города Каменка, Рыбница, Дубэсарь и Григориополь; № 48, г. Слобозия, муниципии Тирасполь и Бендеры; № 49, к востоку от Республики Молдова; № 50, к западу от Республики Молдова и № 51, Соединенные Штаты Америки, Канада;

- признал действительными мандаты избранных депутатов Парламента Республики Молдова в ходе парламентских выборов от 24 февраля 2019 года по общенациональному округу (ПКС № 4/2019).

Конституционный суд подтвердил результаты новых парламентских выборов, состоявшихся 20 октября 2019 года в одномандатных округах: № 17, г. Ниспорень; №33, мун. Кишинэу; № 48, г. Слобозия, муниципии Тирасполь и Бендеры, и № 50, к западу от Республики Молдова, а также признал действительными мандаты избранных депутатов Парламента Республики Молдова в ходе новых парламентских выборов от 20 октября 2019 года по одномандатным округам:

1). Одномандатный округ № 17, г. Ниспорень – Вердеш Геннадие (Демократическая партия Молдовы);

2). Одномандатный округ № 33, мун. Кишинэу – Нэстасе Василе-Андрей (избирательный блок «ACUM Platforma DA și PAS»);

3). Одномандатный округ № 48, г. Слобозия, мун. Тирасполь и Бендеры – Евтодиев Виталий (политическая партия «Партия социалистов Республики Молдова»);

4). Одномандатный округ № 50, к западу от Республики Молдова – Сажин Галина (избирательный блок «ACUM Platforma DA și PAS») (ПКС № 26/2019).

5. Признание депутатских мандатов

В пленарных заседаниях Конституционного суда не были установлены обстоятельства, препятствующие признанию депутатских мандатов, предоставленных Центральной избирательной комиссией нижеперечисленным резервным кандидатам в депутаты. Так, Конституционный признал избранными депутатами Парламента Республики Молдова:

- Павла Янец, Елеонору Граур, Георгия Брашовского по списку Демократической партии Молдовы и Ивана Филимон, Геннадия Морков по списку Партии коммунистов Республики Молдова (ПКС № 2/2019);
- Руксанду Главан по списку Демократической партии Молдовы, Сергея Катаранчук по списку избирательного блока «ACUM Platforma DA și PAS» и Игоря Химича по списку Политической партии «Шор» (ПКС № 17/2019);
- Аллу Дарованную и Анатолия Лабунец по списку Политической партии «Партия Социалистов Республики Молдова» (ПКС № 18/2019);
- Михаила Пачу по списку политической партии «Партия социалистов Республики Молдова» (ПКС № 28/2019);
- Радун Ребежа по списку Демократической партии Молдовы (ПКС № 30/2019);
- Марину Радван по списку политической партии «Партия социалистов Республики Молдова» и Вирджилия Пысларюк по списку избирательного блока «ACUM platforma DA și PAS» (ПКС № 31/2019).

6. Подтверждение результатов республиканского консультативного референдума

Конституционный суд *подтвердил* результаты республиканского консультативного референдума от 24 февраля 2019 года (ПКС № 5/2019).

7. Определения Конституционного суда

В 2019 году, осуществляя судопроизводство по представленным обращениям, Конституционный суд, руководствуясь положениями Кодекса конституционной юрисдикции, вынес 152 определения *о неприемлемости*.

Чаще всего Конституционный суд отклонил обращения по причине их необоснованности. Так:

- а) не были выявлены правовые обстоятельства, указывающие на то, что оспариваемые законодательные положения не являются достаточно ясными и предсказуемыми (ОКС № 4/2019; 77/2019, 79/2019 и др.);
- б) отсутствовали аргументы в поддержку мнения автора обращения (ОКС № 96/2019, 102/2019, 105/2019 и др.), либо автор обращения не смог доказать, в чем заключается противоречие между оспариваемыми положениями и Конституцией (ПКС № 30/2019). К примеру, в Определении № 146/2019 Конституционный суд подчеркнул, что обращение об исключительном случае неконституционности должно иметь определенную структуру, включающую три неотделимых элемента, а именно: оспариваемое положение с точки зрения конституционности, текст, на который делается ссылка о его нарушении, а также обоснование автором противоречивости этих двух текстов, то есть доводы о неконституционности оспариваемых положений.
- в) в обращениях поднимались вопросы толкования закона в абстрактной форме, без какой-либо связи со существом основного спора, что свидетельствовало о том, что они носили характер *actio popularis* (ОКС № 14/2019; 84/2019; 110/2019; 114/2019 и др.); вопросы, затронутые в обращениях, не носили конституционный характер, авторы требовали дать толкование некоторых законодательных норм, однако это является прерогативой судебных инстанций, которую они осуществляют в процессе применения законодательных положений в конкретных случаях (ОКС № 55/2019; 61/2019; 63/2019; 76/2019; 91/2019; 107/2019; 120/2019 и др.), в обращении не шла речь о законодательном пробеле, а о интерпретации и применении закона (ОКС № 127/2019); вопрос, затронутый автором обращения об исключительном случае неконституционности, вытекал из ошибочного толкования закона, а не из неясности закона (ПКС № 15/2019), критика о неконституционности оспариваемых положений не носила подлинный характер, в действительности у автора был иной взгляд на интерпретацию и применение этих положений (ОКС № 129/2019);
- д) Конституционный суд уже вынес постановление или определение по обращениям с тем же предметом, в результате чего обращения повторялись, либо выводы Конституционного суда подлежали применению *mutatis mutandis*, так как не возникли новые обстоятельства, которые могли изменить практику Конституционного суда (ОКС № 20/2019; 42/2019; 53/2019; 56/2019; 87/2019; 108/2019 и др.). В ОКС № 119/2019 Конституционный суд установил, что оспариваемые положения ранее составляли предмет обращения того же автора, по тем же основаниям, судья судебной инстанции, удовлетворивший ходатайство об обращении в Конституционный суд, не проверил, если обращение отвечает установленным требованиям;
- е) разрешение обращения не входит в компетенцию Конституционного суда (ОКС № 24/2019; 48/2019; 88/2019; 89/2019; 90/2019; 21/2019; 26/2019; 126/2019 и др.).

При анализе обращений об исключительных случаях неконституционности Конституционный суд выявил ряд недостатков.

Так, рассмотрев обращение об исключительном случае неконституционности, которое представил в Конституционный суд 7 ноября 2019 года по запросу одного из адвокатов один из судей суда Кишинэу, сектор Рышкань, Конституционный суд вынес **Определение № 119 от 18 ноября 2019 года**, в котором отметил, что автор ранее представил обращение с тем же предметом и с теми же аргументами. Это обращение Конституционный суд признал неприемлемым Определением № 85 от 19 июня 2019 года.

В Определении № 119 от 18.11.2019 года Конституционный суд высказал замечание в адрес судьи, который не проверил, если обращение отвечает требованиям приемлемости, изложенным в п. 82 Постановления № 2 от 9 февраля 2016 года, и **допустил повторное и необоснованное обращение в Конституционный суд.**

Конституционный суд посчитал целесообразным уведомить **Высший совет магистратуры** об этом случае с целью принятия соответствующих мер, чтобы исключить в будущем нарушения положений закона и постановлений Конституционного суда со стороны судей.

Такие же замечания Конституционный суд высказал и в адрес адвоката, который пренебрег требованиями п. 82 Постановления № 2 от 9 февраля 2016 года. Конституционный суд подчеркнул, что адвокат **подал запрос об исключительном случае неконституционности повторно, злоупотребляя данным правом с целью затягивания процесса.**

Конституционный суд **потребовал от Союза адвокатов Молдовы** принять необходимые меры для предотвращения случаев нарушения положений закона и постановлений Конституционного суда, повышения уровня осведомленности адвокатов и рассмотрения возможности привлечения адвокатов, совершивших такие злоупотребления, к дисциплинарной ответственности.

б) В определениях ст. 133 от 5 декабря 2019 года и № 136 от 9 декабря 2019 года Конституционный суд отметил, что тот же судья, в нарушение пункта 82 пп. (3) и резолютивной части ПКС № 2 от 9 февраля 2016 года, не проанализировал вопрос применимости оспариваемых положений при рассмотрении административного дела. Конституционный суд отметил, что применимость в споре оспариваемой нормы не прослеживается и в доводах автора обращения. В своем определении Конституционный суд указал, что поскольку обращение об исключительном случае неконституционности представляет собой вопрос правового характера, рассмотрение которого должно предшествовать урегулированию спора, с которым оно связано, **применимость и уместность оспариваемой нормы для разрешения основного спора является важным условием для приемлемости обращения.**

с) Проанализировав обращение об исключительном случае неконституционности, Конституционный суд в Определении № 65 от 25 апреля 2019 года отметил, что **оспариваемые положения ранее являлись предметом контроля конституционности в свете аналогичных доводов, изложенных тем же автором** в двух других обращениях об исключительном случае неконституционности (см. ОКС № 32 от 5 марта 2019 года и ОКС № 53 от 16 апреля 2019 года). В связи с этим, Конституционный суд напомнил, что при представлении обращения об исключительном случае неконституционности рассматривающий дело судья обязан проверить, не являлись ли ранее оспариваемые положения предметом контроля конституционности.

8. Представления

В течение 2019 года Конституционный суд направил Парламенту 3 представления.

- **Представление № РСС-01/44g от 05.03.2019 года**

Определением № 34 от 5 марта 2019 года Конституционный суд признал неприемлемым обращение об исключительном случае неконституционности положений «до дня обретения

решением по делу о правонарушении окончательного характера» в ст. 30 ч. (5) Кодекса Республики Молдова о правонарушениях, утвержденного Законом № 218 от 24 октября 2008 года.

В указанном определении Конституционный суд обратил внимание на существующее в судебных инстанциях состояние неопределенности по вопросу приостановления срока давности привлечения к ответственности за правонарушение в случае обжалования решения о назначении наказания за правонарушение.

Конституционный суд подчеркнул, что сам факт подобной интерпретации свидетельствует о том, что судебные инстанции сталкиваются с проблемой истечения срока давности до окончательного разрешения дел о правонарушениях, учитывая, что ст. 30 ч. (7) Кодекса о правонарушениях предусматривает только одно основание для приостановления срока давности. Конституционный суд отметил, что отсутствие дополнительных оснований для приостановления срока давности привлечения к ответственности за правонарушение может привести к прекращению множества дел о правонарушениях, а вследствие этого к ущемлению основных прав потерпевших.

Чтобы предотвратить подобные последствия, Парламенту необходимо дополнить указанные положения.

- **Представление № РСС-01/98а/№19 от 24.09.2019 года**

Конституционный суд 24 сентября 2019 года принял Постановление №19, которым высказался по обращению о контроле конституционности некоторых положений Закона № 156 от 14 октября 1998 года о государственной пенсионной системе.

Конституционный суд признал необоснованным дифференцированный подход в отношении родителя, опекуна или попечителя ребенка с тяжелыми ограниченными возможностями, с одной стороны, и родителя, опекуна или попечителя лица с тяжелыми ограниченными возможностями в возрасте более 18 лет, с другой стороны, в плане признанных преимуществ для реализации права на пенсию.

С целью устранения этого недостатка и обеспечения эффективности прав, Конституционный суд воспользовался своей прерогативой и до вмешательства Парламента и внесения соответствующих поправок согласно рассуждениям, изложенным в Постановлении, принял решение, которое обязывает ответственные органы государственной пенсионной системы положительно разрешать заявления бенефициаров (родителей, опекунов или попечителей), независимо от возраста лиц с серьезными ограниченными возможностями, за которыми они ухаживают.

- **Представление № РСС-01/151g-24 от 17.10.2019 года**

В Постановлении № 24 от 17 октября 2019 года Конституционный суд признал неконституционными следующие положения Уголовного кодекса: «повлекшие иные тяжкие последствия» в ч. (3) ст. 189, «повлекшее тяжкие последствия» в п. с) ч. (2) статьи 307 и в п. с) ч. (2) статьи 327, «иные тяжкие последствия» в п. b) ч. (2) статьи 329, «действия, предусмотренные частью (1), повлекшие тяжкие последствия» в ч. (1¹) статьи 335.

Конституционный суд установил, что в уголовном законодательстве нет четких критериев, которые определяли бы понятие «тяжкие последствия», применяемое в статьях 189 ч. (3) п. f), 307 ч. (2) п. с), 327 ч. (2) п. с), 329 ч. (2) п. b) и 335 ч. (1¹) Уголовного кодекса. Закон также не устанавливает никаких материальных критериев, которые бы определяли «тяжесть» пагубных последствий. Так, квалификация последствий преступления как «тяжкие» непосредственно влечет за собой отягчение уголовной ответственности преступника.

Конституционный суд отмечал, что, хоть и была установлена неконституционность понятия «тяжкие последствия», содержащегося в указанных статьях, это не мешает Парламенту уточнить его параметры и содержание с тем, чтобы обеспечить надлежащую защиту социальным ценностям, охраняемым уголовным законодательством.

В связи с этим, Конституционный суд установил, что Законом № 277 от 18 декабря 2008 года Парламент исключил синтагму «тяжкие последствия» из некоторых статей Уголовного кодекса и заменил ее ясными и предсказуемыми текстами. Например, понятие «тяжкие последствия» в статье 215 Уголовного кодекса [распространение эпидемических заболеваний] было заменено на следующее предложение: причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо смерть человека. Подобные изменения были внесены и в ч. (2) статьи 197 Уголовного кодекса [умышленное уничтожение или повреждение имущества]. В информационной записке к проекту данного закона авторы отметили, что сохранение в Уголовном кодексе понятия «тяжкие последствия» противоречит принципу законности и предсказуемости уголовного закона. Было также отмечено, что необходимо исчерпывающее определение тяжких последствий, которые могут наступить в результате совершения преступления. Конституционный суд не нашел никаких веских причин, почему Парламент внес изменения только в эти статьи, поскольку изложенные в информационной записке суждения действительно для всех статей Уголовного кодекса, содержащих понятие «тяжкие последствия».

В представлении к Постановлению № 22 от 1 октября 2018 года Конституционный суд обратил внимание Парламента, что понятие «тяжкие последствия» встречается в ряде статей Уголовного кодекса и указал ему на необходимость внесения изменений в указанные уголовные нормы, в соответствии с принципом законности привлечения к ответственности. По настоящее время данное представление не было исполнено.

В Постановлении № 24 от 17 октября 2019 года Конституционный суд также признал неконституционной синтагму «общественным интересам либо» в ч. (1) статьи 329 Уголовного кодекса. Конституционный суд отметил, что понятие «общественный интерес» является абстрактным и не обеспечивает идентификацию субъекта, которому причиняется ущерб в крупных размерах [как предусматривает ч. (1) статьи 329 Уголовного кодекса], то есть, не выявляет жертву преступления. Кроме того, Конституционный суд отметил, что выражение «причинение ущерба в крупных размерах правам и охраняемым законом интересам физических или юридических лиц» в ч. (1) статьи 329 Уголовного кодекса предоставляет защиту всем возможным жертвам деяния служебной халатности, учитывая тот факт, что юридические лица могут быть как публичного, так и частного права (см. статью 173 Гражданского кодекса). Из этого обоснованно следует, что возможный материальный ущерб, причиненный общественным интересам, может быть отнесен к категории ущерба, причиненного правам и охраняемым законом интересам юридических лиц публичного права, управляющих отраслью, представляющей публичный интерес. В заключение Конституционный суд постановил, что синтагма «общественным интересам либо» в ч. (1) статьи 329 Уголовного кодекса усложняет изложение состава преступления служебной халатности, являясь источником правовой неопределенности.

Таким образом, учитывая упущение Парламента исправить эти положения, которые сохраняют состояние неконституционности, а также количество подобных обращений по данному вопросу, Конституционный суд обратил внимание Парламента на необходимость приведения уголовных норм в соответствие с суждениями, изложенными в этом постановлении.

С. ИСПОЛНЕНИЕ АКТОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА

Согласно статье 28 Закона № 317-ХІІІ от 13 декабря 1994 года о Конституционном суде, акты Конституционного суда являются официальными документами, обязательными для исполнения на всей территории страны всеми органами публичной власти и всеми юридическими и физическими лицами. Правовые последствия нормативного акта или его частей, признанные неконституционными, устраняются в соответствии с действующим законодательством.

Акты Конституционного суда имеют эффект *erga omnes*, являясь обязательными для исполнения всеми субъектами власти, независимо от уровня их полномочий.

Постановления Конституционного суда предназначаются прежде всего законодателю, а также другим субъектам, участвующим в законодательном процессе. Постановления Конституционного суда являются окончательными, не подлежат обжалованию даже со стороны законодателя и обязательны для исполнения.

Констатация законодательного бездействия, то есть пробела в законе или в другом нормативном акте, противоречащего Конституции, неизбежно влечет за собой правовые последствия. Постановление Конституционного суда подразумевает обязанность законодателя по разрешению существующих правовых пробелов путем надлежащего регулирования и устранения несоответствующих положений.

Соблюдение принципа разделения властей предполагает не только то, что ни одна из ветвей власти не вмешивается в полномочия другой ветви, но и то, что каждая из этих ветвей не пренебрегает исполнением обязанностей в сфере своей деятельности, в частности, когда такая обязанность налагается постановлением Конституционного суда.

Отсутствие законодательного вмешательства со стороны Парламента по исполнению актов конституционного органа приравнивается к невыполнению своих основных полномочий, а именно – *законотворческих*, которыми Конституция наделила Парламент. Подобная ситуация наблюдается в условиях, когда некоторые постановления Конституционного суда, которые признают неконституционными то или иное законодательное положение или акт, могут создать законодательный вакуум, ошибки и неопределенность в применении закона.

Чтобы исключить эти негативные последствия, статья 28¹ Закона о Конституционном суде предусматривает, что Правительство не более чем в трехмесячный срок со дня опубликования постановления Конституционного суда представляет Парламенту проект закона о внесении изменений и дополнений в нормативный акт или его часть, признанные неконституционными. Соответствующий проект закона должен рассматриваться Парламентом в первоочередном порядке.

1. Степень исполнения постановлений, признающих неконституционными положения некоторых нормативных актов

Конституционный суд, в целях контроля над процессом внесения изменений в законодательные акты, положения которых были признаны неконституционными постановлениями Конституционного суда, регулярно запрашивает от Парламента и Правительства информацию о степени исполнения принятых актов.

Так, в течение 2018 года из 20 подлежащих исполнению постановлений было исполнено 14. Из 15 принятых в 2017 году постановлений, подлежащих исполнению, было исполнено всего 7. В 2016 году принято 17 постановлений, подлежащих исполнению, а исполнено было 14 постановлений. В 2019 году из трех подлежащих исполнению постановлений (в которых хотя бы одно положение было признано неконституционным) ни одно не было исполнено.

2. Степень исполнения представлений Конституционного суда

Представление – это акт, посредством которого Конституционный суд, не подменяя законодательный орган, осуществляет свою роль «пассивного законодателя», в соответствии с положениями ч. (1) статьи 79 Кодекса конституционной юрисдикции, обращая внимание на наличие в законодательстве пробелов или недостатков и на необходимость внесения изменений в законодательные нормы, ставшие предметом конституционного контроля.

Юрисдикционная деятельность Конституционного суда в основном направлена на разрешение поступивших обращений и осуществление в связи с этим конституционных полномочий. Анализ подлежащих контролю конституционности актов с точки зрения соответствия Высшему закону, толкование конституционных норм, порядок исполнения постановлений Конституционного суда и др. составляют инструменты, имеющие ключевое значение в процессе совершенствования законодательной базы. Представления, главным образом касающиеся пробелов в законодательстве, также способствуют развитию правовой системы государства.

Конституционный суд отмечает, что за период 2011-2019 годы остались неисполненными 20 принятых им представлений.

D. РЕКОМЕНДАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА

В ходе осуществления конституционной юрисдикции в 2019 году Конституционный суд составил несколько рекомендаций.

- Так, 5 сентября 2019 года Конституционный суд направил письма Парламенту, Правительству и Президенту Республики Молдова, в которых подчеркнул важность быстрого реагирования в отношении пробелов в законодательстве, связанных с неисполнением принятых Конституционным судом актов. Конституционный суд рекомендовал повысить эффективность взаимодействия между государственными органами, ответственными за законотворчество, в целях обеспечения исполнения представлений Конституционного суда.

Впоследствии, письмом от 11 октября 2019 года Конституционный суд, согласно положениям статьи 28¹ Закона о Конституционном суде, потребовал от Парламента и Правительства проинформировать его на какой стадии находится исполнение постановлений и представлений Конституционного суда, а также о причинах их неисполнения.

По запросам Конституционного суда в соответствующие органы парламентская Комиссия по вопросам права, назначениям и иммунитету и Государственная канцелярия Республики Молдова предоставили информацию об оценке уровня исполнения актов Конституционного суда. Изучив эту информацию, Конституционный суд пришел к выводу, что, хотя в большинстве случаев были инициированы проекты о внесении изменений в нормативные акты в соответствии с актами Конституционного суда, процесс законотворчества не был завершен по различным причинам (*степень исполнения рассмотрен выше в разделе III пункт С*).

- Учитывая качество поданных обращений об исключительном случае неконституционности, Конституционный суд обратился к компетентным органам (Высшая судебная палата, Высший совет магистратуры) с **рекомендацией** о проведении анализа запросов об исключительных случаях неконституционности и соблюдения судебными инстанциями требований о проверке обращений на предмет их соответствия условиям, указанным в Постановлении Конституционного суда № 2 от 09.02.2016г. о толковании статьи 135 ч. (1) п. а) и п. g) Конституции Республики Молдова. Конституционный суд считает, что подобный анализ приведет к повышению качества обращений об исключительном случае неконституционности.

РАЗДЕЛ IV. ВНЕШНЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

А. В 2019 году судьи Конституционного суда и помощники судей приняли участие в ряде важных событий по укреплению связей с зарубежными учреждениями.

Так, в периоды 6-12 июня 2019 года и 19-25 октября 2019 года группы в составе четырех помощников судей Конституционного суда Республики Молдова посетили Конституционный суд Латвийской Республики в целях обмена профессиональным опытом. Благодаря насыщенной программе сотрудники КС получили возможность ознакомиться с деятельностью Конституционного суда Латвии и подробно изучить латвийскую модель конституционной жалобы, а также проанализировать различные методологии, используемые в деятельности данного Конституционного суда. Ознакомительные поездки были организованы в рамках латвийского плана сотрудничества и развития на 2019 год в области «передачи латвийского опыта странам-партнерам», финансируемого Правительством Латвии.

Практика по обмену опытом является ценным вкладом в развитие сотрудничества, содействуя диалогу между Конституционными судами. Обе стороны имеют возможность поделиться опытом и своими профессиональными достижениями, сотрудничество будучи направлено на повышение эффективности практической деятельности.

Председатель Конституционного суда 27 августа 2019 года провел встречу с Чрезвычайным и Полномочным послом Республики Казахстан, Саматом Ордабаевым. Оба высоких государственных деятеля выразили желание поддерживать и расширять плодотворные отношения двух стран по институциональному сотрудничеству в области конституционного права.

Председатель Конституционного суда Владимир Цуркан 25 сентября 2019 года принял у себя с визитом Чрезвычайного и Полномочного посла Литвы в Молдове, Кестутиса Кудзманаса, и заместителя главы миссии, министра-советника Андрея Диденко. Обсуждения были сосредоточены на вопросах продолжения плодотворного сотрудничества и дружеских отношений между Конституционными судами Молдовы и Литвы. Посол Кестутис Кудзманас отметил, что Литва будет и впредь поддерживать возможности сотрудничества между двумя Конституционными судами.

С 4 по 10 ноября 2019 года делегация в составе четырех судей Конституционного суда Республики Молдова совершила рабочий визит в Ригу, по приглашению Конституционного суда Республики Латвия. В ходе визита судьи обменялись опытом по таким вопросам, как компетенция и функции Конституционного суда, этапы рассмотрения дел и используемые для этого методы, отношения между Конституционным судом и другими государственными органами, анализ и особенности процесса подготовки и исполнения решений Конституционного суда.

В период 21-22 ноября 2019 года еще одна делегация Конституционного суда приняла участие в работе международной конференции, организованной Конституционным трибуналом Польши. Конференция была приурочена к празднованию столетия со дня основания Департамента уголовного права Польской комиссии по праву и кодификации. Мероприятие прошло при участии высшего руководства Республики Польша и делегаций из более чем 23 стран. В рамках многочисленных панельных дискуссий члены нашей делегации приняли активное участие и выступили с тематическими информацией.

В период с 16 по 20 декабря 2019 года Председатель Конституционного суда совершил визит в город Брно Чешской Республики по приглашению своего чешского коллеги, Павла Рычецкого. Официальные лица обменялись мнениями о нынешнем молдавско-чешском сотрудничестве в области конституционного права, как на двусторонней основе, так и в рамках региональных и международных организаций, и обсудили вопросы, связанные со структурой, с принципами деятельности и полномочиями руководимых ими ведомств.

Отдельной темой для обсуждения стала подготовка к XVIII-му Конгрессу Конференции Европейских Конституционных Судов, который состоится 26-29 мая 2020 года в Праге. В ходе этого Конгресса Конституционный суд Молдовы по ротации примет у Конституционного суда Чехии председательство в данной организации на следующие три года.

Председатель Конституционного суда 23 октября 2019 года встретился с сотрудниками Представительства «Международного Республиканского института США» в Молдове (IRI Молдова). Так, председатель ознакомился с Программой IRI Молдова по содействию и укреплению реформ в области права. Цель программы состоит в повышении потенциала Министерства юстиции, Конституционного суда, а также судебных инстанций по эффективному взаимодействию в сфере внедренных реформ и полученных результатов при разрешении проблем общества с тем, чтобы в конечном итоге восстановить веру граждан в правосудие. В этом контексте, Председатель Конституционного суда и представители IRI Молдова договорились о тесном сотрудничестве в целях эффективного выполнения программы.

Председатель Конституционного суда 12 ноября 2019 года провел встречу с послом Австрийской Республики в Молдове, Christine Freilinger. В ходе обсуждений была выражена готовность конституционных судей Молдовы сотрудничать со своими австрийскими коллегами путем обмена опытом, учитывая, что Австрия была первой страной, которая создала Конституционный суд и установила стандарты конституционного права для всего мира.

В. На протяжении 2019 года Конституционный суд получил заключения Венецианской комиссии, тем самым было подтверждено плодотворное и устойчивое сотрудничество между этими двумя ведомствами.

Председатель Конституционного суда Республики Молдова 10 сентября 2019 года запросил заключение *amicus curiae* Венецианской комиссии по вопросу об уголовной ответственности судей Конституционного суда. В этом контексте, Конституционный суд попросил Венецианскую комиссию ответить на следующие три вопроса:

а) «Гарантируется ли независимость конституционных судей в государстве, руководствующемся принципом верховенства закона, в случае привлечения к ответственности (уголовной, административной и др.) за голосование, выраженные мнения и действия, предпринятые при осуществлении должности?

б) Пользуются ли конституционные судьи неприкосновенностью за голосование и выраженные мнения при осуществлении должности и по окончании полномочий?

с) Какой из государственных органов вправе определять конституционность/законность акта Конституционного суда, если конституционные судьи подчиняются только Конституции, а их акты выносятся именем Республики Молдова и являются окончательными?».

В результате, Венецианская комиссия на своем 121-ом пленарном заседании (Венеция, 6-7 декабря) вынесла заключение *amicus curiae* (заключение № 967 / 2019 CDL-AD(2019)028).

В письме от 7 октября 2019 года Председатель Конституционного суда Республики Молдова запросил заключение *amicus curiae* Венецианской комиссии в отношении рассматриваемого дела о конституционности некоторых положений Закона о прокуратуре. Заключение было составлено на основе комментариев докладчиков и принято на 121-ом пленарном заседании Венецианской комиссии (Венеция, 6-7 декабря 2019 года).

Конституционный суд Республики Молдова поставил перед Венецианской комиссией три вопроса:

Первый вопрос: «Могут ли недавно введенные поправки о процедуре отбора, назначения и увольнения временно исполняющего обязанности Генерального прокурора либо нового Генерального прокурора повлиять на полномочия Высшего совета прокуроров, как конституционного органа, гарантирующего принцип независимости и беспристрастности прокуроров?»

Второй вопрос: «Представляет ли угрозу для принципа самоуправления прокуроров изменение состава Высшего совета прокуроров так, чтобы большинство его членов не являлись прокурорами? Приемлемо ли, чтобы министр юстиции был членом Высшего совета прокуроров?»

Третий вопрос: «Как совмещается с передовыми европейскими практиками факт отмены посредством закона конкурса, организованного Высшим советом прокуроров для выдвижения кандидатуры Генерального прокурора, и организации нового конкурса по новым правилам, установленным законом?»

Заключения Венецианской комиссии были запрошены в контексте рассмотрения обращений № 153b от 21.08.2019г. и № 168a от 23.09.2019г., по которым Конституционному суду еще предстоит высказаться.

Диаграмма №1

Диаграмма №2

Диаграмма №3

Диаграмма №4

Диаграмма №5

Диаграмма №6

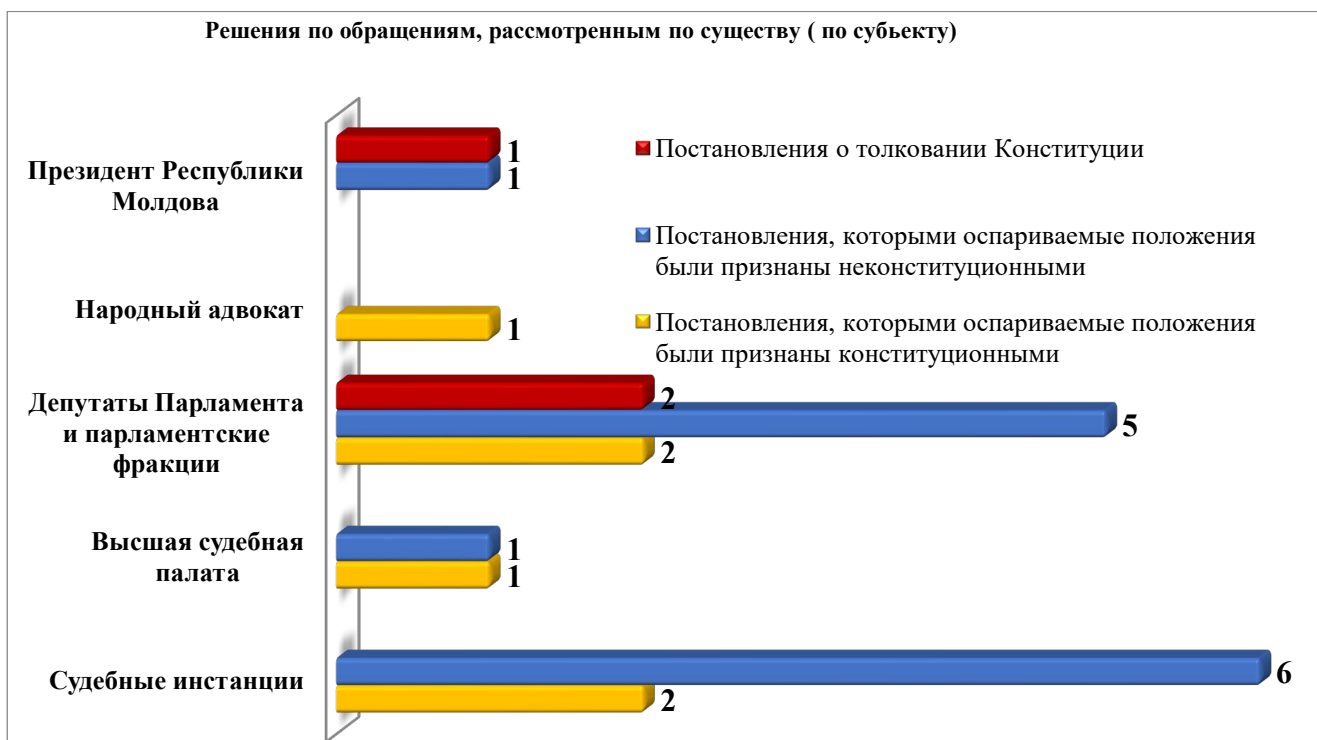

Диаграмма №7

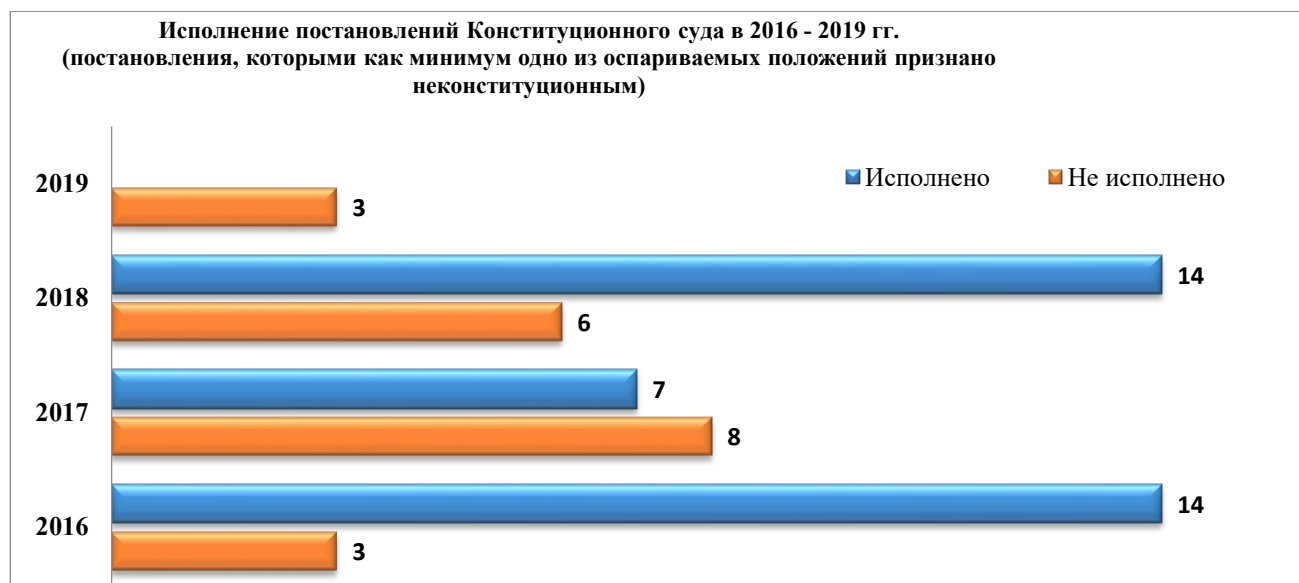

Диаграмма №8

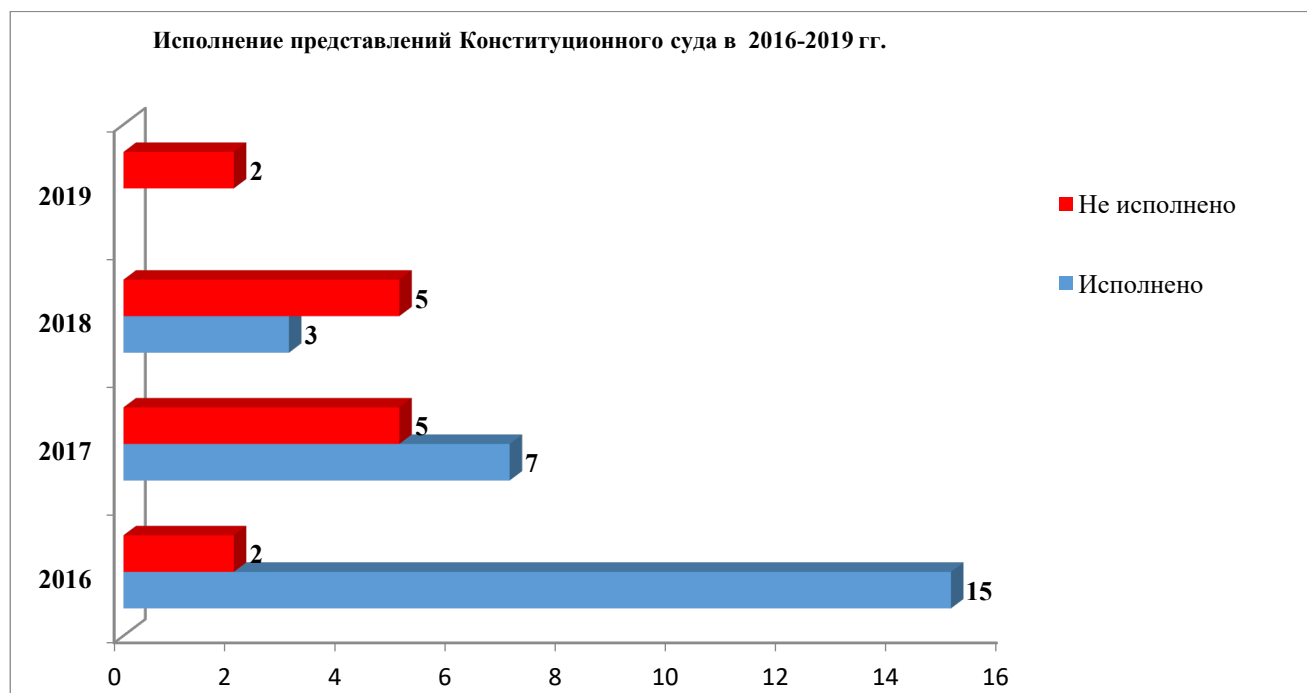

Диаграмма №9

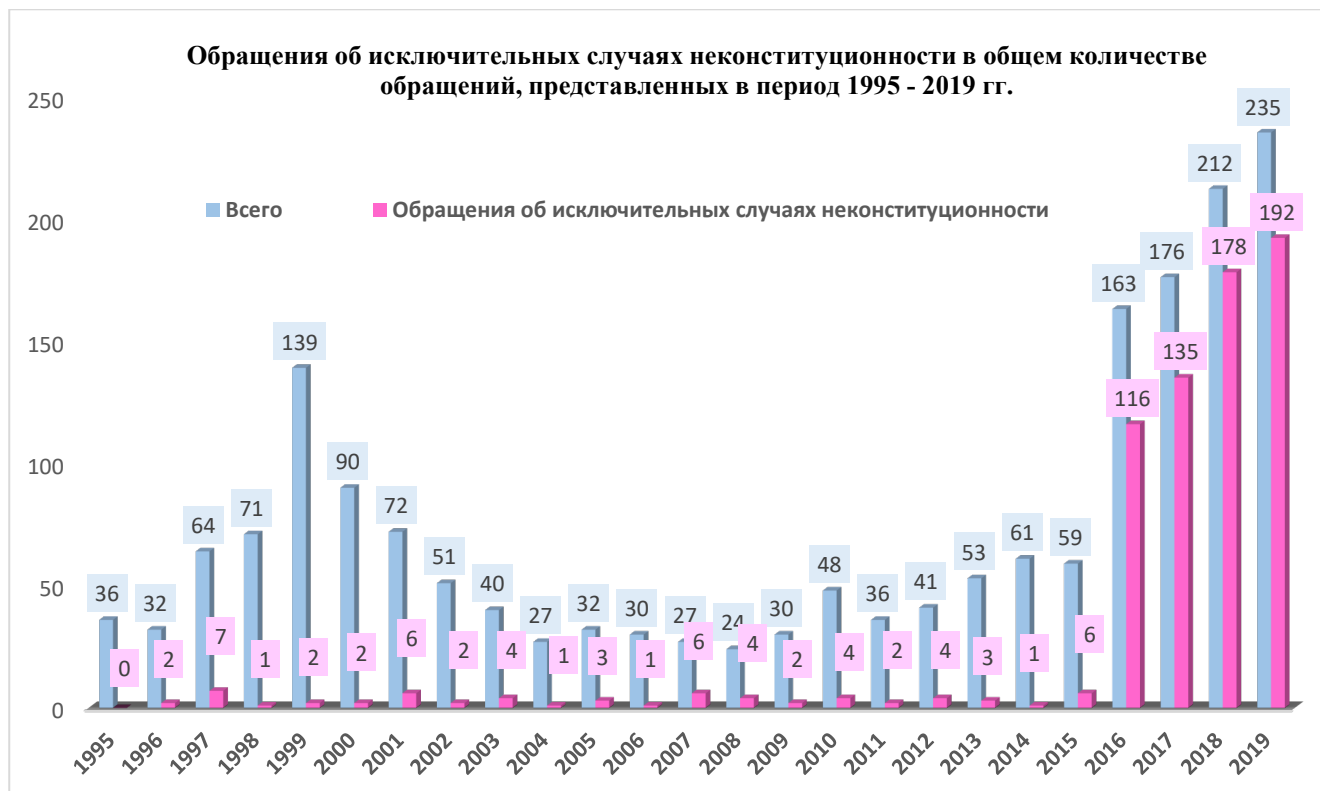

Диаграмма №10

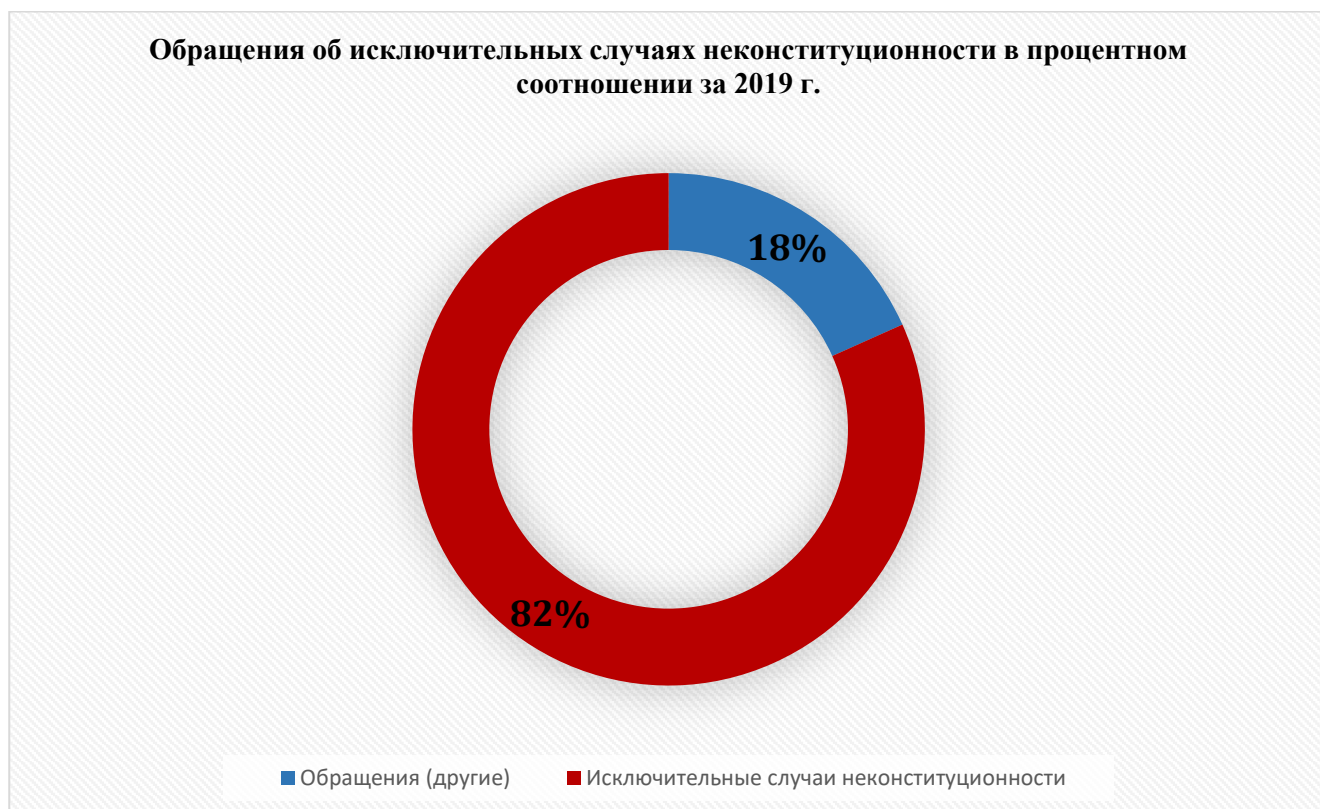

Диаграмма №11

**АВТОРЫ ОБРАЩЕНИЙ ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯХ
НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ В 2019 ГОДУ**

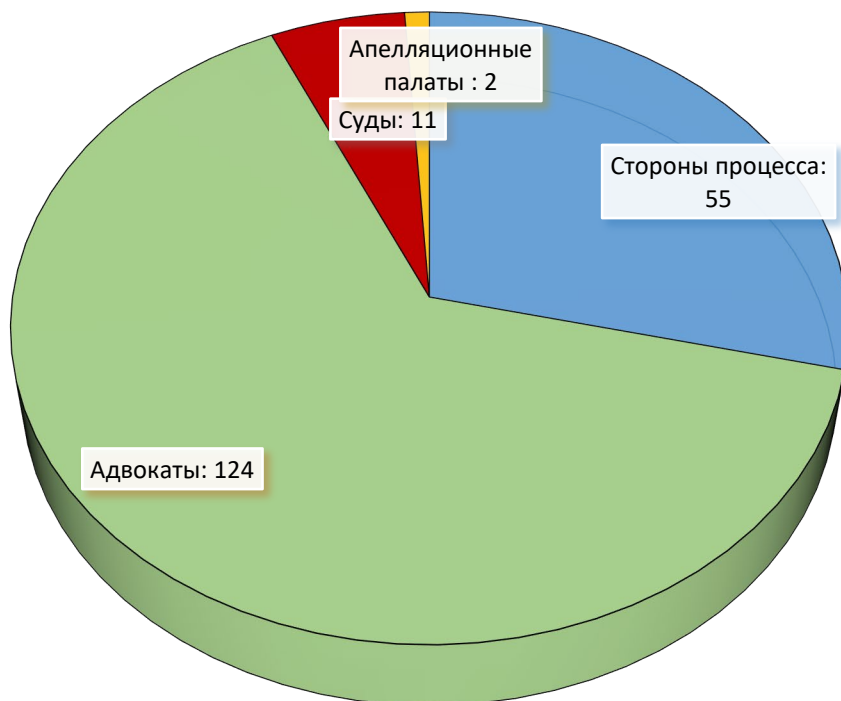

Диаграмма №12

**Акты, вынесенные в 2019 г. по обращениям об исключительных случаях
неконституционности**

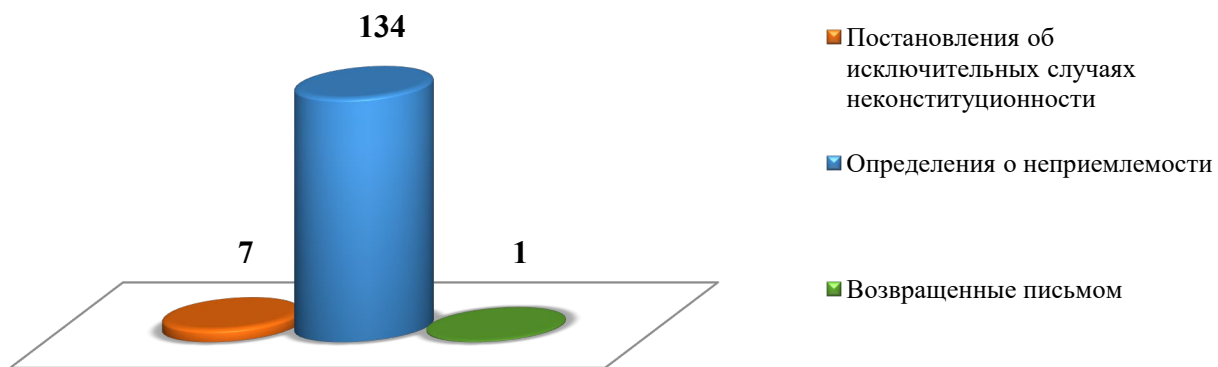

Диаграмма №13

Диаграмма №14

Диаграмма №15

Диаграмма №16

Приложение № 2

ПОСТАНОВЛЕНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ВЫНЕСЕННЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ В 2019 ГОДУ

Порядковый номер	Номер и название акта	№ обращения
1.	Постановление № 1 от 18 января 2019 года об утверждении Доклада об осуществлении конституционной юрисдикции в 2018 году	-
2.	Постановление № 2 от 18 января 2019 года о признании мандатов депутатов Парламента Республики Молдова (<i>Павел Янец, Елеонора Граур, Георгий Брашовский по списку Демократической партии Молдовы и Иван Филимон, Геннадий Морков по списку Партии коммунистов Республики Молдова</i>).	Обращения № 210е от 26.12.2018 года и № 10е от 16.01.2019 года
3.	Постановление № 3 от 18 января 2019 года о контроле конституционности некоторых положений Закона № 1585 от 27 февраля 1998 года об обязательном медицинском страховании и Положения о предоставлении/приостановлении статуса застрахованного лица в системе обязательного медицинского страхования (<i>равные условия в отношении обязательного медицинского страхования в случае родителя, воспитывающего четырех и более детей</i>)	Обращение № 201а от 13.12.2018 года
4.	Постановление № 4 от 09.03.2019 года о подтверждении результатов парламентских выборов от 24 февраля 2019 года и признании действительными мандатов избранных депутатов	Обращение № 48е от 04.03.2019 года
5.	Постановление № 5 от 14.03.2019 года о подтверждении результатов республиканского консультативного референдума от 24 февраля 2019 года	Обращение № 47d от 04.03.2019 года
6.	Постановление № 6 от 19 марта 2019 года об исключительном случае неконституционности статьи 265 ч. (2) Уголовно-процессуального кодекса (<i>обжалование отказа органа уголовного преследования в принятии жалобы или доноса о совершении преступления</i>)	Обращение № 8g от 14.01.2019 года
7.	Постановление № 7 от 19 марта 2019 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений ст. 353 ч. (1) Гражданского процессуального кодекса (<i>отсутствие кассационного обжалования определения об отклонении возражений должника</i>)	Обращение № 7g от 11.01.2019 года
8.	Постановление № 8 от 5 апреля 2019 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений ст. 162 ч. (2) Исполнительного кодекса (<i>срок обжалования исполнительных актов, составленных судебным исполнителем</i>)	Обращение № 30g от 14.02.2019 года

9.	Постановление № 9 от 8 апреля 2019 года о контроле конституционности ст. 25 ч. (6) Закона № 278 от 14 декабря 2007 года о контроле над табаком (<i>запрет на продажу табачных изделий вблизи образовательных и санитарно-медицинских учреждений</i>)	Обращение № 52а от 13.03.2019 года
10.	Постановление № 10 от 8 апреля 2019 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений статьи 5 Закона № 188 от 10 июля 2008 года об амнистии в связи с провозглашением 2008 года Годом молодежи (<i>предполагаемая дискриминация осужденных к лишению свободы мужчин, имеющих детей в возрасте до 8 лет</i>)	Обращение № 34g от 20.02.2019 года
11.	Постановление № 11 от 26 апреля 2019 года о толковании положений ст. 61 и ст. 72 Конституции (<i>изменение избирательной системы</i>)	Обращение № 81b от 19.04.2019 года
12.	Постановление № 12 от 15 мая 2019 года о толковании положений ст. 98 в сочетании со ст. 64 и ст. 85 Конституции (<i>выдвижение кандидата на должность Премьер-министра</i>)	Обращение № 84b от 23.04.2019 года
13.	Постановление № 13 от 8 июня 2019 года о толковании положений статей 63 и 85 Конституции Республики Молдова (<i>ропуск Парламента</i>)	Обращение № 110b от 07.06.2019 года
14.	Постановление № 14 от 8 июня 2019 года о контроле конституционности законодательных актов, принятых Парламентом X-го созыва 8 июня 2019 года (<i>формирование рабочих органов Парламента X созыва и выборы председателя законодательного органа</i>)	Обращение № 111a от 08.06.2019 года
15.	Постановление № 15 от 8 июня 2019 года о контроле конституционности указов Президента Республики Молдова от 8 июня 2019 года о выдвижении кандидатуры на должность Премьер-министра Республики Молдова и о назначении Правительства Республики Молдова (<i>указы о выдвижении кандидатуры на должность Премьер-министра и о назначении Правительства</i>)	Обращение № 112a от 08.06.2019 года
16.	Постановление № 16 от 15 июня 2019 года о пересмотре Определения Конституционного суда № 83 от 7 июня 2019 года, Постановления Конституционного суда № 13 от 8 июня 2019 года, Постановления Конституционного суда № 14 от 8 июня 2019 года, Постановления Конституционного суда № 15 от 8 июня 2019 года, Заключения Конституционного суда № 1 от 9 июня 2019 года и Заключения Конституционного суда №2 от 9 июня 2019 года (<i>пересмотр принятых решений</i>)	Ходатайство пленума Конституционного суда от 15.06.2019 года
17.	Постановление № 17 от 23 августа 2019 года о признании мандатов депутатов Парламента Республики Молдова (<i>Руксанда Главан по списку Демократической партии Молдовы, Сергей Катаранчук по списку избирательного блока «ACUM Platforma DA și PAS» и Игорь Химич по списку Политической партии «Шор»</i>)	Обращения № 150e от 08.08.2019 года и №154e от 21.08.2019 года

18.	Постановление № 18 от 12 сентября 2019 года о признании мандатов депутатов Парламента Республики Молдова (<i>Алла Дарованная и Анатолий Лабунец по списку Политической партии «Партия Социалистов Республики Молдова»</i>)	Обращение № 162е от 10.09.2019 года
19.	Постановление № 19 от 24 сентября 2019 года о контроле конституционности некоторых положений Закона № 156 от 14 октября 1998 года о государственной пенсионной системе (<i>страховой стаж лица, ухаживающего за больным с тяжелыми ограниченными возможностями</i>)	Обращение № 98а от 18.05.2019 года
20.	Постановление № 20 от 26 сентября 2019 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений статьи 214 ч. (8) Административного кодекса и статьи 11 ¹ ч. (4) Закона № 548 от 21 июля 1995 года о Национальном банке Молдовы (<i>приостановление исполнения актов НБМ</i>)	Обращение № 99g от 20.05.2019 года
21.	Постановление № 21 от 3 октября 2019 года о контроле конституционности некоторых положений Закона № 270 от 23 ноября 2018 года о единой системе оплаты труда в бюджетной сфере (<i>оплата труда членов Высшего совета магистратуры, избранных из числа штатных преподавателей права</i>)	Обращение № 64а от 29.03.2019 года
22.	Постановление № 22 от 8 октября 2019 года об исключительном случае неконституционности некоторых положений ст. 61 ч. (1) Исполнительного кодекса (<i>прерогатива судебного исполнителя в исполнительном производстве</i>)	Обращение № 152g от 20.08.2019 года
23.	Постановление № 23 от 10 октября 2019 года о контроле конституционности некоторых положений Закона № 172 от 27 июля 2018 года о внесении изменений в некоторые законодательные акты и Закона № 288 от 15 декабря 2017 года о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты (<i>размещение магазинов duty-free</i>)	Обращения № 142а от 16.10.2018 года и № 155а от 06.11.2018 года
24.	Постановление № 24 от 17 октября 2019 года о контроле конституционности некоторых положений статей 189 ч. (3) п. f), 307 ч. (2) п. c), 327 ч. (2) п. c), 329 ч. (1) и ч. (2) п. b) и статьи 335 ч. (1 ¹) Уголовного кодекса (<i>спорное понятие «тяжкие последствия», содержащееся в нормах уголовного закона</i>)	Обращения № 151g от 30.10.2018 года, № 172g от 21.11.2018г., № 174g от 22.11.2018г., № 175g от 22.11.2018г., № 183g от 28.11.2018г., № 186g от 03.12.2018г., № 189g от 03.12.2018г., № 191g от 05.12.2018г., № 193g от 06.12.2018г., № 198g от 11.12.2018г., № 200g от 13.12.2018г.,

		№ 203g от 17.12.2018г., № 211g от 27.12.2018г., № 212g от 27.12.2018г., № 2g от 02.01.2019 г., № 21g от 01.02.2019г., № 35g от 20.02.2019г., № 49g от 05.03.2019г., № 62g от 29.03.2019г., № 105g от 29.05.2019г., № 109g от 05.06.2019г., № 120g от 20.06.2019г., № 140a от 26.07.2019г. и № 159g от 05.09.2019г.
25.	Постановление № 25 от 29 октября 2019 года о контроле конституционности Закона № 17 от 15 февраля 2019 года о внесении изменения в статью 1 Закона о зоне свободного предпринимательства «Bălți» №26/2010 (порядок принятия ответственности Правительством)	Обращение № 161a от 09.09.2019 года
26.	Постановление № 26 от 31 октября 2019 года о подтверждении результатов новых парламентских выборов в одномандатных избирательных округах № 17, № 33, № 48 и № 50 от 20 октября 2019 года и признании действительными мандатов избранных депутатов (Генадие Вердеи по списку Демократической партии Молдова, Василе-Андрей Нэстасе и Галина Сажин по списку избирательного блока «ACUM Platforma Da și PAS» и Виталий Евтодиев по списку политической партии «Партия социалистов Республики Молдова»)	Обращение № 190e от 25.10.2019 года
27.	Постановление № 27 от 31 октября 2019 года о контроле конституционности статьи 37 Закона о Конституционном суде, статьи 27 Закона о Высшей судебной палате и статьи 4 Закона об организации и функционировании Счетной палаты (финансовая автономия независимых органов)	Обращение № 46a от 04.03.2019 года
28.	Постановление № 28 от 21 ноября 2019 года о признании мандата депутата Парламента Республики Молдова (Михаил Пачу по списку политической партии «Партия социалистов Республики Молдова»)	Обращение № 205e от 18.11.2019 года
29.	Постановление № 29 от 12 декабря 2019 года об исключительном случае неконституционности ст. 16 ч. (9) Закона № 180 от 26 июля 2018 года о добровольном декларировании и налоговом стимулировании (доступ к сведениям, связанным с добровольным декларированием имущества)	Обращение № 106g от 30.05.2019 года
30.	Постановление № 30 от 19 декабря 2019 года о признании мандата депутата Парламента Республики Молдова (Раду Ребежа по списку Демократической партии Молдова)	Обращение № 220e от 16.12.2019 года

31.	Постановление № 31 от 27 декабря 2019 года о признании мандатов депутатов Парламента Республики Молдова (<i>Марина Радван по списку политической партии «Партия социалистов Республики Молдова» и Вирджилиу Пысларюк по списку избирательного блока «ACUM Platforma Da și PAS»</i>)	Обращение № 232е от 27.12.2019 года
32.	Заключение № 1 от 9 июня 2019 года о констатации обстоятельств, оправдывающих временное исполнение обязанностей Президента Республики Молдова, с целью выполнения конституционной обязанности по роспуску Парламента и назначению даты досрочных парламентских выборов	Обращение № 113f от 08.06.2019 года
33.	Заключение № 2 от 9 июня 2019 года о констатации обстоятельств, оправдывающих роспуск Парламента	Обращение № 114f от 09.06.2019 года